

СОНЯ ФРЕЙМ

Этот мир — голодное место

ПОСЛЕДНЯЯ
БАШНЯ

Соня Фрейм
Последняя башня
Серия «Trendbooks thriller»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67103265

С. Фрейм. Последняя башня: ООО «Клевер-Медиа-Групп»; Москва; 2022

ISBN 978-5-00154-784-6

Аннотация

Башня Вавилон стала домом для людей, выживших после страшной катастрофы. Власти башни защищают их от подземных кланов, обитающих в бункерах. Но даже на Вавилоне есть свои отбросы.

Лаки, мелкий преступник, промышляющий нелегальными товарами. Солдат Миккель, почти полностью состоящий из синтетики. И Рика, настоящая загадка, скрывающая темное прошлое.

Содержание

Краткая хронология событий	5
Часть первая. Винтики и шурупы	9
Вавилон, уровень 0. Таможни. Пограничная зона	11
Вавилон, уровень 40. Ложа «Имморталов»	22
Вавилон, уровень 35. Клуб «Июнь»	24
Вавилон, уровень 30. Центральный вокзал	29
Внешняя база Вавилона. Квадрант С	40
Вавилон, уровень 5. Центр всеобщих благ	47
Вавилон, уровень 35. Аркады	57
Вавилон, уровень 4. Квартал «Столбняк»	59
Вавилон, уровень 1. Большая свалка	66
Вавилон, уровень 5. Центр всеобщих благ	77
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Соня Фрейм

Последняя башня

© Соня Фрейм, 2021

Иллюстрация на обложке © Алексей Виноградов

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

* * *

Краткая хронология событий

Добро пожаловать в Вавилон- WIKI: любое знание за 1 минуту!

Вы выбрали 2037 год:

2037 год. Международные трансгуманистические движения формируются в политическую партию «Имморталов», начавшую локальную институционализацию в сорока семи странах земного шара.

2097 год. Национальные границы ликвидированы, и территориальная структура планеты определяется секторами под юрисдикцией глобальных корпораций. «Имморталы» становятся единственной политической партией и главными проводниками людских интересов в секторах.

2100 год. «Имморталы» объединяются с корпорацией «Фау» – новатором в сфере устойчивого развития и медицинского прогресса.

2102 год. Открыт новый источник энергии – космические лучи Омикрон. «Фау» – первая корпорация, начавшая изучение на исследовательском спутнике «Гера».

2112 год. Происходит сбой реактора корпорации «Дельби», приведший к самой крупной техногенной катастрофе в истории человечества. Юго-восточная часть планеты поражена неоядерной коррозией. Ее распространение не удастся локализовать.

2120 год. 95 % земного шара подверглось воздействию поражающих факторов взрыва. Семь миллиардов людей скончалось в результате лучевых болезней, мутаций и непригодных условий жизни. Около полутора миллионов человек скрылось в системе подземных бункеров корпораций. Точное число выживших под землей не установлено. 25 000 человек выжило на космической станции «Гера», принадлежащей корпорации «Фау».

2200 год. Организована первая экспедиция на Землю. Состояние планеты по-прежнему оценивается как непригодное для жизни. Корпорация «Фау» начинает строительство наземного инкубатора. Острота вопроса назревает ввиду проблемы перенаселения станции «Гера». Опорной точкой выбран главный наземный офис «Фау» – почти не пострадавшая от катастрофы башня на территории бывшей Аляски, в доступной близости от которой также находятся разнообразные ресурсы, в том числе полезные ископаемые.

2205 год. Башня «Фау» получает дополнительные уровни, отстроенные андроидами станции. Высота строения на сегодняшний день составляет 10,5 км. Возведение и поддержание новой архитектуры становится возможным благодаря технологиям на основе космических лучей. На данный момент это самое высокое строение, которое когда-либо соорудил человек. Название нового дома человечества – Вавилон. *У этого термина существуют и другие значения, см. Вавилон (значения).*

2212 год. Завершается последнее переселение на Вавилон. Станция полностью модифицирована в батарею по передаче лучей Омикрон, на основе которых базируются все технологии «Фау». На Вавилоне предоставляются все условия для продолжения жизни.

2215 год. В подземных бункерах обнаружены выжившие, ставшие переносчиками постядерных заболеваний на Вавилон. Трагедия известна в истории как *Первый Контакт*. Туннели к бункерам удастся перекрыть, но заражение мгновенно распространяется на Вавилоне. Это обуславливает у новорожденных аномалии внутренних органов и внешних частей тела. Различные постядерные вирусы создали у новых поколений структурные отклонения и смертельные патологии. Вавилон сталкивается с угрозой вымирания.

2218 год. Инновационный отдел «Фау» совершает трансгуманистическую революцию по разработке и внедрению синтетических органов и частей тела в вырождающееся население Вавилона. Любая органическая часть тела, пораженная вирусом, может быть заменена синтетическим эквивалентом.

2250 год. Каждый житель Вавилона становится обладателем минимум трех синтетических протезов. Разработан ряд успешных вакцин для сохранения непораженных органических частей тела.

2283 год. Согласно статистике рождаемости Вавилона, каждый новорожденный обладает постядерными мутация-

ми и болезнями. Синтетика становится новой формой жизни. ДНК здорового человека считается навсегда утраченным.

С 2283 года вся индустрия корпорации поставлена на улучшение биотехнологий. «Имморталы» продолжают совершенствовать социально-экономическую систему Вавилона, совмещая интересы корпорации и населения.

Наивысшими ценностями остаются сохранение жизни, ее продление и улучшение качества существования человека. Совет «Имморталов» сделал публичное заявление о победе над природой и даже смертью. Протезы компании «Фау» смогли обеспечить нормальный уровень жизни каждому жителю Вавилона.

*Спасибо, что воспользовались базой знаний
Вавилон-WIKI.*

Будем рады видеть вас снова!

Конец сессии. Время до логута 00:05, 00:04, 00:03, 00:02, 00:01, 00:00.

Часть первая. Винтики и шурупы

*You got a new horizon, it's ephemeral style
A melancholy town where we never smile*

*Новый горизонт рождает призрачное видение –
меланхолический город, в котором нет радости
«Feel Good Inc.» Gorillaz*

Для Бланиш

Здесь, на верхних уровнях башни, часто идет снег. Всюду туман и белые хлопья, с высоты совсем не различить земли. Кажется, что ее никогда и не было. Хотя мы по-прежнему на нашей старой больной планете и далеко отсюда не уйдем. Живой ли, мертвый, человек все еще остается в начале начал.

Говорят, мы вышли из морей, обрели руки, ноги, голос и глаза. Шаг за шагом познали земную твердь; где была мать-природа, возникли наши города до небес, которые мы сами же уничтожили. Когда все стало пылью, утратили мы вновь и наши тела. Вернуться бы в море, откуда зародилась жизнь, но и морей больше нет...

Бланиш, девочка моя, как и мы, ты не знала мира, где были

деревья, птицы и океаны. Ты привыкла к изъеденной ржавчиной пустыне с осколками зданий. Ты выросла в этом уродстве, но почему же из нас всех – покореженных, сломанных, покрытых заплатами – ты столь целостна и совершенна? Какой бог тебя помиловал? Какой ангел поцеловал?

Блани, мой белый лист... Ты – человек, а мы пародии на тебя. Как уберечь тебя от всего, что вокруг? Как найти тебе мир лучше? Ведь я сам являюсь частью зла, что под личиной добра культивирует наше уродство и неполноценность.

Но довольно слушать старика. Беги, моя хорошая. Беги и не останавливайся, не оборачивайся, ступай тише. Пусть ты найдешь выход из этой башни без окон и дверей, а я замечу твои следы и лягу свежим снегом там, где ты шагала. Беги, моя девочка.

Вавилон, уровень 0.

Таможни. Пограничная зона

Огни таможенного поста горели тревожным красным светом, издалека походя на чьи-то всевидящие глаза. Дальше хода не было. Где-то за постом слышался лязг отлетающих межуровневых шаттлов.

Туда им надо. На общий трафик.

Но в их положении и шагу не сделать без того, чтобы не оказаться пойманными.

Ну и где, спрашивается, эта чертова крыса, которую им обещали как подарочек Небес?

Мачете, Птаха и Пьеро ждали уже час с лишним. И с каждой новой минутой все больше росла уверенность в том, что их кинули.

– Почему мы простаиваем? – нервно цыкнул неоновым зубом Птаха. – Это ненормальное опоздание.

– Нас предупреждали, что таможенники бдят. Может, он выжидает, – напряженно отозвался Пьеро.

В призрачном свете огней татуированная слеза на его левой щеке казалась настоящей. Глаза напряженно всматривались в просветы меж старыми шпалами, нагроможденными у их укрытия. Торчать тут дольше становилось опасно. Регулярный патруль должен был начать сканирование отсека с минуты на минуту. Но и назад с их грузом нельзя. Три кило

«мора» требовалось сбыть без вариантов. Мачете с Птахой тревожно переглянулись, следя за замершим у металлолома Пьеро. Эта затея уже никому не нравилась.

– Может, перепродадим другим кланам под землей? Не наша вина, что этого козла нет.

– И что дадут? – проворчал Пьеро. – На верхних мы за три кило «мора» получим лекарства и технику, еще можем чего накрутить. А на нижних они только себя в рабство могут предложить. Было велено прийти с уловом.

– Кто тебе его вообще порекомендовал?

– Сам Синиша. Лаки – лучший в своем деле. Проведет мимо границы на общий трафик, а дальше – концы в воду.

Над головами послышался гул очередного пристыковывающегося шаттла, только что пересекшего границу таможенного контроля. Пьеро досчитал мысленно до десяти, потом развернулся к своим ребятам:

– Ладно, ваша правда. Мы не договаривались ждать так долго. Пошли.

Только они направились к канализационным решеткам, откуда вылезли, как за спинами раздался тихий свист.

– Салют, болезные, – донесся чей-то нагловатый голос.

Неожиданно на арматуре неподалеку неизвестно откуда возник какой-то тип. В полумраке пока удавалось различить только худой силуэт с копной шевелящихся от туннельных сквозняков кудрей. Через мгновение зажглась инфракрасная точка, обозначившая радужку.

«Глаз искусственный», – сразу сообразили трое.

– Ты, что ли... Лаки? – недоверчиво спросил Пьеро, под-
ходя ближе.

– Для тебя буду кем угодно, – хамовато продолжил го-
лос. – Хоть горшком зови, только товаром заделись.

– Сначала проведи, как договаривались, – процедил Ма-
чете, с подозрением вглядываясь в лицо незнакомца.

Тот легко прыгнул с арматуры и подошел ближе, поймав
на себя луч одной из тусклых настенных ламп. Свет обри-
совал курчавые волосы, узкие скулы и два колечка в левом
ухе. Искусственный глаз погас и стал нормальным. Челюсти
что-то лениво перекачивали, а взгляд выражал непритвор-
ную скуку. Очевидно было, что опоздал он, потому что за-
хотел, а не потому, что пришлось.

– Пьеро. Со мной Мачете и Птаха, – тихо произнес гла-
варь, вытягивая ладонь.

Лаки невесомо потряс всем руки и подмигнул:

– Сделаем, как обещано. Но аккуратно, мальчики. Тамо-
женники спят и видят, как вас всех вяжут.

– Как проведешь наверх? – нервно спросил Птаха.

– Сколько у вас с собой «дури»? – деловито спросил этот
хлыщ.

– Три кило. Каждый тащит по пачке «мора» в себе. Не дай
боже эта дрянь прорвется. Нам хана.

На это Лаки только философски хмыкнул:

– Хана наступила давным-давно. Но есть две лазейки. Ли-

бо мы сейчас доходим по серой зоне до закрытого туннеля, где лезть часа два и по дерьму, зато безопасно. Это бывшая сточная труба, вышедшая из эксплуатации. Через нее я выведу вас в туалет на вокзале десятого уровня. Либо...

Последовала загадочная пауза, а искусственный глаз этого хлыща предупреждающе отлил инфракрасным.

– Ну? – нетерпеливо спросил Пьеро.

– Идти напрямую под таможнями во время стыковки следующего шаттла. При стыковке сканер автоматически вырубается на минуту-полторы для перезагрузки. Детекторы движения у таможни тоже. За это время нужно пересечь черту контроля по траншее, не попадающей в угол обзора камер. Дальше ждем у стен. Как только проверенный шаттл отрывается в путь, цепляемся за него – и привет! Сходим на следующей станции, где таможни нет, и садимся в пассажирский поезд.

Троица переглянулась, словно переговариваясь. Времени было в обрез. Лаки уже видел ответ в их лицах, но ни на чем не настаивал, равнодушно перекачивая во рту свою жвачку.

Наконец Пьеро кивнул:

– Веди под таможнями. У нас нет двух часов.

Лаки повертел туда-сюда шеей, разминаясь.

– Снаружи на шаттле когда-нибудь ездили?

– Нет... Дашь совет?

– Ноги подбирайте при отлете, если они вам дороги.

Парни сглотнули и на всякий случай тоже начали ка-

кую-то нелепую разминку.

Из туннеля снова подул сильный ветер, а следом донесся приветственный гудок. Новый шаттл был на подходе. Его огни на долю секунды осветили их всех белым, затем раздался гул и лязг. Мимо мчался здоровый корабль с десятью грузовыми отсеками. Надо было спешить.

– Сейчас! – гаркнул Лаки сквозь шум пристыковывающегося шаттла.

– Он же еще движется! – заорал Мачете.

– Иначе не успеем! – последовал ответ. – Держись ближе к земле!

«Крыса» распластался червем, перекатываясь под несущийся шаттл. Пьеро дал знак, и остальные на свой страх и риск прыгнули под огромную машину, прильнув к металлическому днищу башни. Над ними раздавался адский рев двигателей, а в глаза летели пыль и железная стружка. Дышать удавалось с большим трудом.

Лаки проворно полз вперед, ловко работая локтями. Ему этот аттракцион явно был не впервой. Остальные отплеывались, следуя чуть ли не по наитию. Наконец двигатели заглохли и с таможен раздался протяжный сигнал. Шаттлу дали платформу для стыковки. Лаки обернулся и показал спутникам указательный палец.

Одна минута началась.

Всего три метра... Расстояние казалось смешным. Пьеро думал, что они и правда успеют. Но Лаки раньше всех понял,

что их шестьдесят секунд вышли. Птаха и Мачете просто не успели. Всех прошило желтым лучом, и завывла тревога.

– Хватайтесь за шаттл! – крикнул Лаки, но было поздно.

С обеих сторон поднялись металлические стены, изолирующие отсек под мостом.

«Незаконное пересечение границы!» – загремел по всему туннелю механический голос. В нем потонули их крики, ругань и бессмысленные вопросы. Сверху упали сети, и таможенники начали выволакивать контрабандистов на свет красных ламп.

– Ну что, камикадзе, допрыгались? – слышался чей-то бас.

– Майор, отпускаю шаттл. Документы в порядке, логистический план проложен до двенадцатого уровня. Сканирование отсеков завершено. Других контрабандистов под ним не обнаружено.

– Пусть едут... А я посмотрю наш улов.

Бляшки ламп. Красные сменились белыми. Лица в шлемах с респираторами. Слышалось шипящее дыхание...

Мачете заорал, вытянув вперед обрубок руки, из которой торчали соединения срезанной шаттлом искусственной кисти. Птаха ткнул в Пьеро и Лаки пальцем, обвинив их во всех смертных грехах:

– Это все они, они меня подбили! Я просто в рабстве на подземных уровнях!

Пьеро молча взирал на таможенников, и черная слеза так

и не стекла с его левой щеки.

– Кто же у нас тут?... – Майор, чьего лица не видно из-за защитного шлема, присел перед контрабандистами.

Над ними зажегся свет сканера, и начался отстраненный отчет, записываемый на диктофон.

– Субъект первый. Элементов ДНК в базе нет. Меток корпорации тоже. Идентичность не установлена. Предположительно выходец из подземных уровней. В желудке находится посторонний предмет весом один килограмм. Объект подлежит предварительному извлечению. Контрабандист потенциально заразен. Подлежит устранению.

Птаха заорал в ужасе, и его оттащили куда-то два сильных таможенника. Майор продолжал инспекцию.

– Субъект второй. Элементов ДНК в базе нет. Меток корпорации тоже. Идентичность не установлена. Также выходец из Ада. В желудке имеется посторонний объект, подлежащий извлечению. Внешние повреждения кисти левой руки. Устранить.

Мачете уволокли в одно мгновение, а свет сканера, точно луч прожектора, упал на Пьеро.

– Ага... – задумчиво протянул майор, изучая экран устройства в руке. – Выходец из подземных уровней, именующий себя Пьеро, бывший в изоляторе три года назад под номером ПР2356. Настоящее имя неизвестно. Присутствуют все прививки. Не заразен, к постъядерным вирусам резистентен. Числится в базе как контрабандист и торговец «мо-

ром», находится после побега из изолятора в розыске. В кишечнике посторонний предмет весом один килограмм. Этого в изолятор.

– День придет, и мы поквитаемся, – тихо произнес Пьеро, взглядываясь в глаза майора, слабо различимые за стеклами шлема. – Вавилон на наших костях стоит!

– В изолятор, – с мягким шуршанием донеслось из респираторов.

Пьеро опустил веки. Два таможенника ухватили его за подмышки и поволокли в сторону камер заключения.

Остался только один из улова. Майор склонил над ним голову и заявил:

– Лаки, я уже задолбался тебя ловить!

Тот только развел руками, расхлябанно вытянувшись на грязной платформе. В глазах не было особого страха, а по губам даже бродила наглая ухмылка.

– Так не лови.

Майор тяжело вздохнул, взглянув на старого знакомого, затем продолжил отчет:

– Лассе Томич, известный по кличке Лаки, или Счастличик. Прошел санацию в возрасте двенадцати лет, номер личности ЛС2589. Точное происхождение неизвестно. Официальная миграция на девятый уровень произошла после санации, определен в приют «Милосердие». В восемнадцать лет совершил побег и предположительно контактирует с подземными уровнями. Привлекался по статьям семь, девять и три-

надцать. Не заразен, привит, к вирусам резистентен. Направить на уровень прописки для дальнейшего судебного разбирательства.

– Ой, брось, я ж вернусь.

– В этом я не сомневаюсь, – ответил майор, заключая его запястья в наручники.

Лаки даже сам покорно их протянул.

– Лучше б спасибо сказал. Если ты меня ловишь, то заодно и эту шушеру, набитую наркотой по самые гланды. Сколько ты премий огреб благодаря мне?

– Это не сравнить с тем, скольким ты показал путь на башню, – спокойно ответил майор, ведя его в сторону таможенного шаттла для транспортировки заключенных. – Бездельник ты, Лаки. Нашел бы работу.

– Я весь в работе. Сам попробуй кого-нибудь наверх протащить. А абажур на голове я тоже носить могу.

Лаки пинком запихнули в патрульный шаттл и отдали указания шоферу. Пленник смотрел на него сквозь решетчатое окно с непонятым сожалением.

– Я все-таки надеюсь, что твою рожу больше здесь не увижу, – сообщил майор напоследок.

В ответ только показали поднятый средний палец.

Шаттл сорвался с места и исчез в лабиринте туннелей Вавилона.

«Прощай, Великий!»

Обзор новостей «Вавилон 24/7», раздел некрологов:

Прощай, Великий!

...Иные уходят не попрощавшись, оставляя после себя бесконечные вопросы. Вавилон погрузился в траур, которого не знал со времен Первого Контакта. Вчера ночью нас покинул самый великий политик Руфус Гор.

Смерть была быстра: ему пришлось выбрать добровольную эвтаназию из-за многолетней опухоли мозга. Мы победили постъядерные болезни, нашли выходы из самых сложных природных тупиков, но единственным органом, не подлежащим замене, был и остается головной мозг. Руфус держался до самого конца, продолжая возглавлять партию «Имморталов», и боролся за каждого вавилонянина.

Благодаря его инициативам качество жизни на баине улучшалось с каждым годом. Социальные программы расширялись, субсидии для неблагополучных районов увеличивались. При нем мы сильнее всего осознали, кто мы. «Вавилонянин» перестало быть простым обозначением места проживания. Это идентичность, созданная из достоинства последних выживших людей, выбравших путь человеколюбия и гуманности. И во многом это произошло благодаря мудрому правлению Руфуса Гора.

Мы скорбим, считая его кончину невосполнимой утратой, и желаем Руфусу удачи в последнем путешествии. Де-

*ти Вавилона верят, что космические лучи Омикрон ведут в
волишебный мир, где встречаются живые и мертвые. Пусть
он будет свободен от бремени органики и воспарит выше...*

Вавилон, уровень 40.

Ложь «Имморталов»

Линии ярко-голубой голограммы дрожали как живые. Они опутали весь конференц-зал, и заседающие в нем политики посматривали на них с тревогой и опаской.

Звездное небо над головой вдохновляло слабо. В такие минуты казалось, что сквозь стеклянный потолок на них смотрит тысяча глаз кого-то разумного и невообразимо огромного. Больше их поднебесной башни уж точно.

– Интерпретация?

– Отсутствует.

– Попытки чтения?

– Мы сделали тройную конвертацию. Выходные данные бессмысленны. У нас нет технологий, чтобы это прочесть.

Лучи напоминали неоновых змей. Их перемещение по комнате напоминало также что-то еще...

– Ну а если попробовать ассоциативно? – пришел кто-то к новой мысли.

– Что вы, шутки шутите?..

– Не шучу, господин Каннингем. Что, если это и не код?

– А что тогда? Сигналы башни и ее программ – это цифровой язык, разработанный «Фау» сто с лишним лет назад. Теперь, когда мы выводим код для диагностики...

- Мы видим графический баг¹, но в бессмыслице есть ритм.
- Ритм мы уловили. Частоты любопытные.
- Как пульс.
- Гор мог об этом знать?
- Да вряд ли.
- Тогда бог с ним уже! – Чей-то тонкий смешок. – Ну и что будем делать?
- Пока ничего. Может, само пройдет?

---

¹ Баг – жаргонное выражение в программировании, означающее ошибку или дефект программы.

Вавилон, уровень 35. Клуб «Июнь»

Влаунже плавали голографические рыбы, и изрядно выпивших это здорово раздражало. Кто-то даже пытался прихлопнуть их ладонью, но рыбки только рябили и проплывали сквозь пальцы.

– Мы не могли выбрать место, где бы сквозь меня ничего не проходило?! – свирепо спросил Арис.

– Это, оказывается, тропический зал, – уточнила Верука.

– Что мало оправдывает его дебилные дизайнерские решения. – Арис закатил глаза и хрустнул костяшками пальцев.

Музыка постепенно наращивала темп, а неоновые вспышки прошивали танцующих, и их уже не удавалось отличить друг от друга. Цветовая гамма этой ночи была темно-лиловой. «Прямо как синяк», – раздраженно подумала девушка.

Настроение уже совсем не подходило для вечеринки, потому что весь день они ругались с Арисом и под вечер даже не пытались сгладить острые углы. Бывали дни, когда она едва верила, что они дружат с самого детства. Все началось с ее попытки поднять тему благотворительности для нижних уровней Вавилона, но к ее словам отнеслись примерно так же, как к рыбкам вокруг, – просто отмахнулись.

– Пусть сами себе помогают, – заявил он, уставившись на нее бледными глазами навывкате, когда она вконец допекла

его своими укорами. – Ниже двадцатого уровня вообще одна зараза да уголовники.

Стоило им прийти в клуб, как в него будто понатыкали иголок. Арис зыркал во все стороны налившимися кровью глазами и то и дело проверял наручные часы на наличие новых уведомлений. У Верики возникло ощущение, что от нее просто не знают как отделаться. Ну еще бы, такое заведение, а он тут с малолеткой, которая пьет только биоккоктейли.

– Ну не хочешь, не жертвуй денег, – сдалась она, желая хоть как-то спасти вечер. – Просто понимаешь, мне как-то странно жить, зная, что на нижних уровнях Вавилона совсем другие проблемы. Мы тут в депрессию впадаем, когда не можем выбрать между двумя смузи, а они еле сводят концы с концами...

– Я тебе выбрал смузи, вот. Пей и молчи, – велел он, поставив перед ней стакан с чем-то небесносиним.

Верика скисла и уставилась на танцпол. Арис между тем убежал в туалет. Похоже, он только и ждал, чтобы улизнуть. Люди все прибывали, и почти половина из них была знакома. Сюда предсказуемо стеклась вся молодежь с их тридцать пятого уровня. Ей кивали скорее из вежливости и тут же исчезали в толпе танцующих. Стайка гуппи проплыла сквозь ее голову, отчего Верика стала смотреться в этом заведении еще более глупо, в одиночестве восседая на вычурном барном стуле. Но тут вернулся Арис, неожиданно заметно повеселевший. Крылья его носа почему-то трепетали, чуть ли не

выпуская пар. Он опрокинул свой коктейль, а заодно и ее.

– Ты в порядке? – с сомнением поинтересовалась она, глядя как он стягивает с себя свою брутальную кожанку. – Ты весь вспотел.

– Я на седьмом небе... Или мы и так на седьмом? Тридцать пятый уровень башни все-таки, почти стратосфера, – хихикнул он. – Эй, бармен! Повтори-ка нам обоим «Вавилонскую лагуну!»

– Мне не надо.

– Хватит уже быть святошей, – возмутился он.

К ним подошли его знакомые из спортивной секции и начали что-то обсуждать вполголоса. Арис повернулся к ней спиной, а Верука демонстративно уставилась в другую сторону. Пожалуй, хватит с нее этой вечеринки для свободных и раскрепощенных, не зря она редко ходила по клубам. «Досчитаю до десяти и уйду! Пусть извиняется!» – яростно подумала она. Арис вдруг приобнял ее перекачанной ручищей и почему-то заискивающе сказал:

– Ты пока пей коктейль... Я тебе вон еще десерт взял. А нам тут надо выйти... На пять минут. Я быстро! – подмигнул он ей.

В этом жесте было что-то фальшивое. Она растерянно смотрела на гору крема в хромированной вазочке, которую водрузили перед ней, а друга и след простыл. Что ж, объесться – это тоже план для паршивого вечера. Ложку до рта Верука, однако, так и не донесла. Музыка заглохла, словно за-

хлебнувшись, а на середину танцпола вышел маленький человек с двумя громилами в полицейской форме.

– Наркодозор Вавилона. Все ходы заблокированы. Есть сведения, что здесь были дилеры.

Окружающие обтекли по стенкам, старательно отводя взоры. Верука стала обеспокоенно искать глазами Ариса, но того по-прежнему не было. Процедура всем тусовщикам уже была знакома. Присутствующие начали обреченно выставлять запястья со встроенными чипами, по которым устанавливали их идентичность. Дозор неминуемо дошел и до нее:

– Удостоверение?

Окончательно сбита с толку, она тоже оголила руку, и они отсканировали код ее личности. Коротышка провел по ней еще каким-то сканером и велел:

– Карманы покажите.

– Что-о-о? – уходя в писклявый фальцет, спросила Верука.

Двое громил не походили на шутников, а маленький человек (похоже, следователь) стоял над душой с равнодушным выражением лица и профессиональным пронизывающим взглядом.

Самое унижительное в этой процедуре было то, что на нее смотрели абсолютно все (человек триста, не меньше). Верука растерянно выложила вещи из карманов, с удивлением обнаружив среди них странный сверток. Это явно не относилось к ее вещам.

Следователь аккуратно подцепил края упаковки пинцетом и произнес:

– «Мор», недробленный. Как нам и говорили... Боюсь, вы задержаны, Моргенштерн, за хранение наркотиков. Остальных все равно проверить.

– Вы что, совсем? Это ошибка! – не поверила Верука и зачем-то запальчиво добавила: – Мой отец – глава культурного фонда!

Выводок морских коньков, замерший меж ней и полицейскими, делал ситуацию почти абсурдной, и поэтому все это воспринималось как розыгрыш, снимаемый скрытой камерой. Почему-то вспомнилось, что Арис крепко обнял ее напоследок.

– Это не мое! – расплакалась она.

– Теперь точно не ваше! – припечатал следователь, убирая наркотики в пакет.

Вавилон, уровень 30. Центральный вокзал

Ши-Вэй никогда не видел такого количества шаттлов и поездов. Они носились везде: под ногами, над головой и срывались с соседних платформ. Оставив пассажирский отсек шаттла, он оказался погруженным в неслыханную ранее симфонию ужаса. Лязг прицепов, звук двигателей, несмолкающие объявления об отбытии и прибытии. Музыка. Невообразимые биты, пускающие волны дрожи по телу. И всюду металл, хром, стекло...

Вот он, настоящий Вавилон. Жизнь начиналась с тридцатого уровня, и все, что Ши-Вэй знал до этого, показалось ему тихим сном под ветками его сада. Вернуться бы назад на родную платформу «Куанг-3» на тринадцатом уровне... Но она была от него уже очень далеко. Где-то под его ногами. Столько людей... Какие они все разные. Как диковинно одеты. Как странно говорят. На Вавилоне существует один язык, но сколько у него акцентов, выговоров и вариаций. «Ты всегда спрашивал себя, кого ты кормишь? Для кого растишь бобы и зелень?» Для них всех, что бегут в разные стороны, толкаются, торопятся на свой шаттл. И они даже не знают его. Теперь он больше не рабочий аграрного сектора. Он никто. И поскорее бы ему найти здесь свое место. Мама говорила, что наверху опасно и нет ничего тише и прекраснее

их тринадцатого уровня. У них есть растения, а здесь только голограммы. Они кажутся живыми, но наткнешься на одно – и просто пройдешь насквозь. Мама говорила, что жить надо тихо. Как жучок. Никого не трогать и делать свое дело. Ши-Вэй заткнул уши самодельными берушами и поспешил прочь с платформы в сторону входа. Хотелось скрыться от этого безумия, пока он не привыкнет. Если привыкнет...

В душе поселилась невесомая печаль, которая звалась тоской по дому. Но ради этого дома он здесь, на чужбине. Ши-Вэй проходил через сканеры и мосты, следуя электронному плану на наручных часах, но глаза не видели того, что вокруг. Перед ними все еще стоял образ матери, лежащей в кровати, подпернутый дымкой его слез. Отовсюду на него взирали цифровые щиты, транслирующие музыку, песни и рекламу.

«Пропала моторика? Не спеши заказывать новые запчасти, попробуй "Вита-Гель". Срачивает синтонейроны как по волишебству!»

«Много места не бывает! Возьми кредит по самой дружеской ставке и переезжай скорее в собственные апартаменты! "Вау-банк" – это WOW! Попробуй, и сам так скажешь!»

«Если ты себя любишь, то дашь новый шанс. Органы и части тела от корпорации "Фау"! Надежно, быстро, с гарантией. Найди свой местный филиал по номеру 359! 3-5-9 – и мы проконсультируем тебя прямо на дому!»

Ши-Вэй задержал взгляд на голограмме корпорации «Фау». Красивая девушка с белыми волосами и малиновыми губами подмигивала ему и указывала пальчиком на заветные цифры.

3-5-9 – это ложь.

3-5-9 – и тебе скажут цену.

3-5-9 бессмысленны, если платить нечем.

Путь лежал к лифтам. Пару раз Ши-Вэй не успевал перестроиться на пешеходную дорожку, и на него едва не наезжали солярные мопеды – кто-то обругал, кто-то втащил на тротуар. Отовсюду скалились улыбающиеся голограммы. Хотелось зажмуриться и идти вслепую, чтобы только не видеть это дезориентирующее безумие.

– Деревенщина! – презрительно бросили в спину.

Ши-Вэй прибавил шаг и достиг лифтов. Выбрал уровень Центра обслуживания населения и на короткий миг остался в тишине, глядя сквозь прозрачный пол, как от него удаляется привокзальная суета. В кабине играла тихая мелодия, и она успокаивала. «Центр обслуживания населения. Не забудьте приготовить удостоверение и ваш цифровой талон. Спасибо!» – вежливо сообщил бесполой голос в динамиках.

Чем выше он поднимался, тем слабее доносился шум снизу, а шаттлы превращались в крошечные точки. На этом уровне вытянулись очереди. Люди замерли на скамьях, лежали на полу, кто-то подпирал колонны. Над ними висело огромное табло с номерами талонов. Он приехал за час до

своей очереди, но лучше так, чем опоздать. В этой суматохе можно вообще не дойти до пункта назначения. Парень опустился на холодный металлический пол, уставившись на табло, как собака, ждущая кость. Груда лохмотьев рядом с ним шевельнулась, и на него взглянули чьи-то любопытные глаза.

– Эй... Эй...

Ши-Вэй встрепенулся и уставился на неожиданного собеседника.

– Тоже в Центр занятости? – спросил незнакомец.

– Да, – закивал Ши-Вэй. – И прописаться надо.

– Свежак... только приехал, значит, – удовлетворенно хрюкнула куча, и из тряпок высунулось чье-то потрескавшееся лицо в черных прожилках.

Ши-Вэй непроизвольно отшатнулся, хотя это было невежливо. Но собеседника это даже не удивило.

– Да не трясись ты. Это после «мора» у меня. Снюхал большую дозу, и сосуды почернели. Говорят, уже не пройдет...

Наркоманы. «Мор». Об этом мама его предупреждала. На высших уровнях свои проблемы...

– Дай угадаю, – тем временем продолжил собеседник. – Небось откуда-то с плантаций наших?

– Тринадцатый уровень. Поселение Куанг, – охотно ответил Ши-Вэй. – Мы агрокультуры выращиваем.

– Ну-ну. Агрокультурный ты наш... Что тут забыл?

– Деньги нужны.

– Всем нужны. Кем работать-то хочешь?

Ши-Вэй пожал плечами, а потрескавшаяся морда взирала на него с темным вниманием и жалостливой улыбкой.

– Понятно. Я сам с двадцать первого уровня. Механиком там был. Да только новые руки себе не вставишь на те деньги, что они выдают. Протезы по соцпакету держатся год, и потом опять меняй. А после «мора» тело их вообще отторгает. Эта дешевка имеет самую слабую стыковку с нейронами и сосудами...

– И давно вы на тридцатом? – учтиво осведомился Ши-Вэй.

– Семь лет.

– Что-то нашли?

Механик склонился к нему, обдав запахом горелого пластика, и процедил:

– Если бы нашел, тут бы не сидел. Эх ты...

На Ши-Вэя уставились с сочувствием, и ему не понравился этот взгляд.

– Жил бы на своей плантации, укроп выращивал. У вас там тихо. Ты тут не протянешь, если будешь в пол смотреть и на этих, – последовал кивок на табло Центра, – полагаться.

– Маме нужен новый желудок, – покачал головой Ши-Вэй. – Я могу заработать на качественный, от «Фау».

Бывший механик хохотнул и буркнул:

– Малыш, да тут все от «Фау». И то говно, что нам типа полагается по соцпакету, тоже от «Фау». Просто есть дерьмо

на конвейер, а есть вечные двигатели. Но на последний можно заработать, только если грабанешь кого... или в дилеры заделаешься.

Внезапно зажглись заветные цифры, и Ши-Вэй проворно вскочил. Слушать этого циника уже не было мочи. Иначе все казалось бессмысленным.

– До свидания, господин. Желаю вам удачи.

С этими словами он помчался к свободному portalу. Его быстро просканировали, и вскоре он упал перед милой дамой средних лет с разноцветными глазами. Какой из них был искусственный, Ши-Вэй определить не смог. Может, и оба.

– Ши-Вэй Пэнг, – произнесла она, быстро пробегая по выскакивающим голографическим окнам перед ней. – Плантатор разряда один. Разрешение на миграцию предоставлено Центром уровня тринадцать.

Парень замер перед ней, не зная, стоит ли что-то добавлять. Все было в еедвигающихся экранах.

– Вам полагается жилье от корпорации на первые три месяца. Ячейка в муниципальном квартале двадцать пятого уровня с общим душем. Оставьте отпечаток пальца. Вот здесь... да... молодец.

– Я... я еще по вопросу занятости. Мне сказали... – неуверенно начал он, – что вы также помогаете с рабочими местами.

Дама наклонилась к нему, уставившись на него с легким сомнением.

– Кто ж тебе такое сказал?

– Наш Центр занятости.

– Мальчик мой, мы только ставим на учет. Рабочие места выдаются согласно планированию. Обычно их ждут от трех месяцев до полугода, если ты хочешь по корпоративной программе. Гарантированные рабочие места даются только на твоём уровне проживания.

Ши-Вэй моргнул, чувствуя подкожный страх. Он боялся этой бюрократии, правил, условий. Всегда есть какие-то ограничения. Почему нельзя проще? Он едва понимает всю эту чокнутую систему миграции меж уровнями.

Кажется, сотрудница Центра его поняла. В её глазах, как и у механика, мелькнула жалость.

– Твой выход – искать самому. Частники много где требуются. Но не забудь тогда декларировать доход!

Ши-Вэй кивнул. Он всегда кивал, когда не знал, что сказать.

– Послушай, – деловито сказала она. – Я тебе только участие в одной программе предложить могу, но она неоплачиваемая. Обеспечивается стандартный социальный пакет: трехразовое питание и медицинская помощь. Но это лучше, чем ничего.

Рука с длинными перламутровыми ногтями вытянула из экрана какой-то файл и подвинула к нему.

– Можем взять тебя на соцработы на нижних уровнях башни. Нам очень нужны толковые ребята, не боящиеся тя-

желой работы.

– И... что делать?

Дама вывела перед ним интерактивный план Вавилона и увеличила нижние этажи.

– Эти уровни были грузовыми и предназначались для утиля, они требуют очистки. Необходимо рассортировывать отходы для обработки. Если по душе, я тебя впишу. После этой программы можешь претендовать если не на рабочее место в сфере управления мусором, то на хорошие бонусы от «Фау».

«Управление мусором» звучало как мечта. Оно даже обещало некую власть, поэтому Ши-Вэй закивал как сумасшедший, а дама только этого и ждала. Ему дали электронный договор, и он отпечатал везде свой палец. Затем сеанс закончился, и он вышел наружу, не понимая, то ли поймал золотую рыбку удачи, то ли попал в рабство. Как бы то ни было, выбирать все равно не из чего.

Очередь не уменьшилась, скорее наоборот. Механика уже было не отыскать, да и желания особого не имелось. Не таких друзей хотелось бы завести.

Ши-Вэй зашел в ближайшую закусочную и взял какую-то странную еду навынос, залитую соусом и маслом. Хорошая маскировка для скверной похлебки. Примостившись у окна зала ожидания, он смотрел на вокзальную суматоху и ни о чем особо не думал. Внезапно в правом локте кольнуло, и начались знакомые судороги. Он рефлекторно сжал здоровой рукой место стыковки протеза и тела. В виске что-то от-

чаянно застучало в такт его мыслям: «Нетнет-нет... Только не сейчас...» Он в панике начал массировать связки, перевозмогая боль и пытаясь вернуть ощущение собственной руки, но пальцев совсем не чувствовал. Их будто и не было.

– Беда! – шепнул кто-то рядом.

Ши-Вэй перевел слезящийся взгляд влево и увидел какого-то типа в потрепанном капюшоне. Из него торчала только массивная небритая челюсть с акульей ухмылкой.

– Простите.

За что он извинялся? Он всегда извинялся. Локоть чуть ожил, но пальцев не было. Только бы рука снова задвигалась...

– Вижу, у тебя проблемы.

Какие же все навязчивые на этих верхних уровнях! Ши-Вэй усталился в стол, а незнакомец пожирал его невидимыми глазами.

– И давно?

– Два года.

– Тебе, небось, двадцать.

– Да.

– Ну, после восемнадцати все протезы летят. Дальше только меняй и меняй. Причем чем чаще меняешь, тем хуже держится.

– Без вас знаю, – прошипел Ши-Вэй, растерявший от суророг свою вежливость. – Сейчас пройдет само.

Тип в капюшоне подвинулся ближе, изучая руку, и пока-

чал головой:

– Да не пройдет. Цвет нехороший. Когда отливает красным неоном, скоро отвалится.

Хотелось отпихнуть этого всезнающего к черту. Внезапно рука резко дернулась, отдав болью в шею, и пальцы задвигались. Тревожный алый отсвет исчез, и к кисти вернулся естественный цвет кожи. Ши-Вэй выдохнул и лег грудью на стол, переводя дыхание.

– Парень, я ж помочь хочу.

– Никто мне не поможет. Пожалуйста, идите своей дорогой.

– Ну-ну-ну, – снисходительно раздалось над его ухом. – Я серьезно. Можем заменить. Я знаю людей. Вставляют очень качественный товар. Прослужит лет пять, работа бесплатно. Около семи штук выйдет. Не сравнить с ценами на протезы «Фау».

Ши-Вэй молчал, приходя в себя. С такими связываться не стоило. Об этом его предупреждали бывшие коллеги и соседи. Не только «Фау» органы меняет, есть и другие умельцы. Но идти к ним – как сыграть в русскую рулетку. Может, получишь и годный протез. А может, ограбят или заразят...

– Я тебе визитку оставляю. Припрет – набери... – И вжал что-то в здоровую руку.

Послышался звук отодвигаемого стула, и тип в капюшоне исчез. Больше никто с Ши-Вэем не заговаривал. Он наконец-то оторвался от стола и уставился на запястье левой

руки. На ней горели неоновые цифры. Он смахнул визитку в память наручных часов, сам не зная почему. Пусть будет.

Внешняя база Вавилона. Квадрант С

Миккель смотрел из вышки на основу башни, отливающую пылающей медью. Верхние уровни было не разглядеть из-за пыльной бури – только спираль мигающих огней, убегающих по вертикали в густой синеватый смог.

Сегодня последний раз, когда он видит Вавилон снаружи. В ушах все еще гремели недавние слова офицера Радова:

– Вавилон благодарит вас за верную службу. Вы выполняли ваш долг с честью и благородством. Вы наша гордость!

Похвала в их деле ничего хорошего не означала. Ее раздавали как ложку меда, прежде чем заставят сожрать бочку дегтя.

Вавилон за окном молчал. Ему нечего было добавить.

– Экстратерриториальный контроль безопасности будет продолжаться на прежнем уровне. Наша цель – сохранить достижения.

Их цели всегда были общими. Миккель своих и не имел. Все его мишени там, куда указывал невидимый палец «Фау».

– Ваш отряд будет расформирован, чтобы достигнуть максимальной согласованности с кодексом Вавилона об охране здоровья. Вам полагается военный социальный пакет, а также подбор деятельности согласно планированию центров занятости ваших уровней прописки. Поздравляем, теперь вы можете славно отдохнуть и жить как все.

Но никто не хлопал. Все просто молчали.

В лице Миккеля не дрогнула ни одна мышца, это являлось профессиональной выдержкой. Только свет лампы на потолке мигал из-за внешнего шторма, словно улавливая их тревоги.

– Утром вас проинструктируют о возвращении на Вавилон. Он по вам скучал. Все свободны.

Радов вышел, и повисла тишина. Какое-то время, таращась в одну точку и не смея пошевелиться, они походили на манекенов. Затем один за другим солдаты стали подниматься и обмениваться ничего не значащими фразами.

– Ну, значит, уезжаем.

– Ага.

– До завтра, парни!

– Покедова.

Приказы не обсуждаются. Приказы не оспариваются. Солдаты возвращаются домой. Им сказали, что их даже ждут. «Если бы я еще знал кто, – подумал Миккель. – Эта башня из цельного металла никого не ждет».

* * *

Миккель Скорпен был солдатом по призванию, а значит, слугой. Все они длани одной воли. Эти руки действуют слаженно и знают свое дело. Быть солдатом означает, что долг больше твоего «я». У солдата нет «я», он часть целого. Быть

солдатом означает быть верным. У хорошего солдата нет сомнений. Его граница меж добром и злом настолько четкая, словно ее чертили по линейке. Вот удача, Миккель таким родился – верный людям и идеалам. У него получалось ценить строгую красоту структуры. Там, где другие видели ограничения, он видел систему. Поэтому так охотно стал ее частью, добровольно вступив в отряд внешней зачистки.

– Травить падаль с нижних до конца дней своих? – подтрунивали над ними знакомые из приюта. – Работа мечты!

– Кто это сделает за меня? Вы? – спокойно спрашивал он, глядя в глаза задирам.

– Нет, мы же не идиоты! – смеялись они.

– Но вы живете в безопасности, потому что все еще есть идиоты, делающие эту работу.

– Ну, недаром говорят, что на дураках мир держится...

Он прошел отбор, доказал пригодность и получил новые запчасти высшей пробы. Потому что хороший солдат не должен ломаться. У Миккеля имелась одна особенность, грозящая стать серьезным препятствием в рекрутинге. В детстве на просторах нижних вокзалов, где был их приют, он подцепил безжалостный вирус, мутировавший на слабом иммунитете. Тело распадалось на фрагменты, а на место потерянных частей тела вставляла синтетика, данная «Фау» (кем же еще?). Постъядерные вирусы множились с каждым годом, но от большинства имелась вакцина. Рождаясь убогими, после прививки люди не теряли больше того, что уже было отня-

то. Искусственные протезы и органы аккуратно живились в пораженные участки, и на третьей неделе жизни младенцы адаптировались к ним полностью.

Но не Миккель. Он терял себя безостановочно в течение нескольких лет. Непригодные почки заменили почти сразу, еще в младенчестве. На этом вирус не остановился, и от него убывало все больше. Каждый раз, чувствуя металлический привкус во рту, говорящий об очередном внутреннем кровотечении, Миккель пытался запомнить себя. Свои настоящие руки – шершавые, огрубевшие, потом онемевшие и холодные... затем синюшные, издающие легкий запах гниения. Это все он. Настоящий. Миккеля собрали заново. Да так ладно, что лишь периодические неоновые вспышки по всему телу при перегрузках выдавали, что парень состоит из синтетики на восемьдесят процентов. С такой комплектацией ему предрекали, что он сам потребует усыпления. Все знали, как быстро органы изнашивались, а новая замена по социальному пакету обещала продержаться не больше года. И за каждую еще шла оплата по приживлению. При приобретении высококачественных имплантатов на человеческий цикл жизни пришлось бы максимум две замены – Миккелю же нужно было менять почти все.

Парадокс, но он потрясающе владел искусственным телом. Отсутствовала типичная в его случае замедленная моторика и неестественность телодвижений. Парень обладал завидной меткостью, быстрой реакцией и патологической

неконфликтностью. Так как добровольцев в отряды внешней безопасности приходило мало, его взяли. В «Фау» перепрошили его целиком, дав тело, на которое другие копили всю жизнь. «На одну машину больше или меньше...» — посмеивалось начальство, приравняв его к дронам. Цена за это назначалась высокая. Миккеля определили во внешний сектор С, где располагались залежи полезных ископаемых и траншеи меж старыми бункерами. Безопасность поддерживалась паршиво из-за недостатка людей. Он начал уничтожать гнезда непонятных тварей, норивших прорыть туннели под Вавилон, и наблюдал за приборами наземной навигации. Крепость стоит, пока нет врагов ни с неба, ни из-под земли.

Солдаты редко возвращались на Вавилон. Почти все они были либо сиротами, как Миккель, либо одиночками, желающими уйти от других и посвятить себя делу. Здесь они молча несли долг, и для многих это стало обретением своей ниши. Но всех дурачков распустили. Офицер Радов передавал им инструкции от менеджмента «Фау», и в глубине души они знали причину. На их место придет больше дронов. Они будут зачищать туннели быстрее и эффективнее, а также добывать и фильтровать оставшиеся в земле полезные ресурсы. Люди больше не нужны на внешних границах. Особенно такие дорогостоящие, как Миккель.

Ночью, стоя на вышке, он глядел на пируэты пыльной бури вдаль и осмысливал свое будущее. Никогда оно не каза-

лось таким мрачным. Приборная доска приветливо мигала лампами, словно тоже прощалась с ним.

– Здрóво! – К нему поднялся Ким, планируя вступить на пост через пятнадцать минут.

Миккель сдержанно кивнул, наблюдая за метеорологическими приборами. В окна тем временем застучал мелкий град или камни, которые несла буря, и в этих звуках словно слышалось какое-то дурное пророчество.

– Хватит уже пялиться в экран, забудь вообще про нашу работу.

– Излучение башни изменилось. Измерители Омикрона шалят.

– А что с ними может быть не так?

Миккель пожал плечами. Цифры на табло отражали скачки, хотя поток космических лучей на спутнике оставался прежним: тот принимал их и заряжал батареи на вершине Вавилона. Снабжение шло как обычно, но энергетический фон башни стал другим. Как чье-то сошедшее с ума сердце...

– Угрозы нет. Главное, что системы снабжения в норме. А скачки метеорологического происхождения... Забей! Готов к Вавилону-то? – И Ким подмигнул, одновременно прихлебывая из термоса. На датчики ему уже действительно было плевать.

– Нет. Как и никто из нас, – отрешенно озвучил Миккель то, что вертелось на языке у каждого.

– Думаешь, все будет так плохо?

– Корпорация определит нас куда-нибудь, – миролюбиво ответил Миккель. – Просто все станет иначе.

Когда солдата годами затачивают на то, чтобы выполнять приказы, и вдруг даруют свободу воли, наступает сбой. Контакты преломляются, оголяются провода. Он возвращается в мир, в котором не знает, как жить. Разве не поэтому когда-то он ушел за пределы Вавилона?

Вавилон, уровень 5.

Центр всеобщих благ

Майке снова пересчитала свою группу. Десятка. Красивое, круглое число. В нем заключалась полнота и завершенность. Нечего добавить, нечего отнять. Думали ли так ее подопечные? Она вглядывалась в лица каждого, хотя со стороны казалось, что Майке смотрит на всех сразу. Без хрустального шара было ясно: они не в восторге от происходящего. Впрочем, она тоже. Ей всучили тех, кого не хотел брать никто. Самые сомнительные и проблемные личности, такими только дырки в графиках закрывают. В последний момент решили, что лишние руки не помешают, и сунули их свежее испеченному куратору, метившему в полицейские... Хочешь бороться с криминалом – получай отморожков. Только Майке не хотела воспитывать таких, как они. Она хотела их стрелять.

– ...вы с нами, а значит, разделяете наши ценности. Это основа нашей работы.

Пока она произносила заученную речь, в голове бежала другая информация. Лица присутствующих и сводки из их досье сходились воедино. Темнокожий парень с золотой челюстью и «моровыми» венами на руках – это Карим Саад. Дважды привлекался за торговлю наркотиками в собственной школе. Отбывает в Центре часы исправительных работ,

назначенных судом.

Девушка с ирокезом – Наоко Танака. Ограбила магазин деда, чтобы купить поддельную рабочую визу на тридцатый уровень. Сдана в полицию собственным дедом и определена на исправительные работы.

Рядом с ней женщина с потасканным лицом и татуированными ласточками на ключицах. Леа Барби Андрош – порнозвезда, пытавшаяся переквалифицироваться в дилера. Первую и последнюю сделку провернула в клубе прямо под камерами, из-за чего и загремела.

Следом шел мужчина с не покрытым кожей протезом руки и шрамом поперек лица – Степан Проповедник, сорок лет, фамилия неизвестна, есть только бандитская кличка. Выпаивал и перепродавал запчасти из чужих шаттлов. Пробыл в изоляторе пять лет, оставшийся год скосили и определили в Центр благ на отработку.

Прямо на нее глумливо смотрел смугловатый кудрявый парень с колечками в левом ухе. Лассе Лаки Томич, так называемый крыса-проводник для дельцов с подземных уровней. Уже в третий раз отбывает исправительные работы.

В угол с виноватым видом забила девушка в стрекозиных очках. Верука Моргенштерн, двадцать лет, студентка. Попалась на хранении наркотиков, реальное наказание отменили из-за влиятельных родителей, но для проформы сунули богачку на социальные работы.

Затем двое горемычных подростков: прыщавый, глупова-

того вида Пакито и татуированный звездочками Мерт. Оба сироты на государственном попечении и здесь отработывают свой соцпакет...

За ними притаилась девушка в черном капюшоне, из-под которого выглядывал только острый подбородок с плотно сомкнутыми губами. Некая безработная Рика Мо. С ней Центр занятости заодно отправил того парня с аккуратным пробормом, кажется, зовут Ши-Вэй Пэнг.

И замыкал этот цирк плохих клоунов самый уравновешенный с виду кадр: высокий мужчина без татуировок, «моровых» вен и диких причесок – Миккель Скорпен, бывший военный из отряда зачистки. Направлен в Центр благ в связи с расформированием людского персонала на внешних базах Вавилона.

Майке про себя выдохнула. Из всей этой компании, похоже, только последние трое находились в ладах с законом и собственной психикой. Солдата было даже жалко: его, похоже, определили сюда, потому что больше некуда. Хотя военный явно занимался более важными вещами, чем их миссия по разгребанию дерьма.

– Наш сектор на первом уровне, рядом со входом в канализационную систему, – продолжала Майке, попутно разворачивая трехмерную презентацию для наглядности. – Приоритетные задачи на первый квартал – расчистить территорию от запчастей, пластика и органики. Мусор должен быть рассортирован для последующей утилизации или переработ-

ки во вторичное сырье. Расписка плана и инструкции безопасности отправлены на ваши почтовые адреса.

Было очевидно, что им всем плевать на это дело с вершины Вавилона. Только Ши-Вэй прилежно записывал все в электронный блокнот. Откуда-то вылетел комок жвачки и попал Пакито в затылок. Понесся нестройный ржач. Майке показалось, что она в начальной школе на месте учителя. Она постучала по столу ладонью и процедила:

– Приступаем завтра с шести утра. Инструктаж окончен. Если вы здесь, то вам не все равно, что будет с нашим общим домом.

* * *

– Если вы здесь, то, скорее всего, крупно обоссались! – перефразировал ее Лаки, слегка приподнимаясь на стуле, на котором минуту назад расплзся как кусок пластилина.

После ухода Майке его слова прозвучали как недосказанный приговор, читавшийся во взгляде их куратора. Некоторое время было тихо. Затем по полу проскрежетали первые стулья. Проповедник и Наоко свалили, даже не намереваясь знакомиться с группой.

Остальные пока не знали, что делать.

– Итак, – лениво продолжил Лаки, без энтузиазма оглядывая каждого. – Скажите честно, кто здесь потому, что определен сюда планированием, законом и еще бог знает чьим

указом?

Руки взвились вверх, и Веруке стало ясно, куда она попала. Добро пожаловать на нижние уровни, которым она так стремилась помогать. Социальными работами, оказывается, занимаются уголовники, и с легкой руки Ариса в их числе теперь она сама. Происходящее с самого начала ощущалось как дикая ошибка, но выхода у нее не было.

– Ты, что ли, с верхних уровней? – с любопытством спросил у нее Мерт, заметив, какая хорошая у нее одежда.

Верука уже поняла, что облажалась с маскарадом и ее происхождение было всем очевидно. Взоры присутствующих зажглись недобрым огнем. Лаки дольше всех всматривался в нее угольными глазами и наконец поинтересовался:

– А что ты тут забыла?

Она нервно им улыбнулась и зачастила каким-то оправдательным тоном:

– Меня подставили... с наркотиками. Я сама их не принимаю и не одобряю, но мой друг – впрочем, уже *бывший* друг – подложил мне «мор» во время наркодозора в клубе «Июнь». Но я думаю, это полезный урок. Поэтому хочу честно отработать часы, назначенные судом. Если хоть что-то можно сделать... пусть хотя бы расчистить мусор... я буду рада. Вообще считаю, что на Вавилоне присутствует неформальное социальное расслоение, которое ведет к дезинтеграции нашего общества. Благодаря соцработам я смогу узнать... настоящий мир.

Последнее явно было сказано не от ума и мгновенно настроило всех против нее. Даже лучшие намерения не смогли скрыть невинный снобизм человека, выросшего в тепличных условиях. В глазах Лаки мелькнуло что-то озорное. Он бесшумно пересел за стол перед Верукой и даже ласково спросил:

– А что ты вообще знаешь о нас, м-м-м?

Карим заулюлюкал, а Барби откинулась назад и наблюдала за всем так, словно смотрела кино.

– Не бойся! – добавил Лаки. – У меня общительная натура, люблю со всеми знакомиться. Так вот... как тебя зовут, кстати?

– Я Верука. – И она протянула ладонь, которую он комично потряс.

– Лаки. Можешь звать меня так. Так вот, Верука... Я тебе открою секрет. – Он наклонился вперед так, что между ними осталось меньше сантиметра. Его острый курносый нос почти уткнулся в нее, и от этого между ними возникла какая-то произвольная интимность. – То, что здесь на башне называется нижними, совсем не дно. Настоящий ад – это бункеры подземных кланов, и один из их выходцев сидит сейчас перед тобой. Меня приняли, когда я был ребенком, провели санацию. А загремел на общественные работы я за то, что незаконно протаскивал по туннелям Вавилона других детей подземелья – непривитых, опасных, набитых по уши «мором». Так что ничего ты не знаешь про настоящий мир. Вавилон –

инкубатор, а ты в нем курочка, несущая золотые яйца.

Наступила тишина, в которой слышалось только шумное дыхание Веруки. Лаки смотрел на нее пару секунд не двигаясь, томно прикрыв веки, и вдруг во весь голос гаркнул:

– БУ!

Она подскочила, и отовсюду понесся ржач. Больше всех угорали Карим, Пакито и Мерт. Эти трое создавали вместе столько шума, что казалось, будто комната набита их клонами. На плечо Лаки предупреждающе легла чья-то рука. Он лениво обернулся и увидел Миккеля.

– Что ты меня лапаешь? – процедил кудрявый.

– Отстань от нее.

Лаки с любопытством оглядел Скорпена, удивляясь про себя его странной вышколенности.

– Дуболом дело говорит, – проворчала Барби. – Что взять с девочки, хоть и мажорки? Меня тоже наркодозор сцапал, они совсем озверели в последнее время. А все из-за таких, как ты, Лаки. Тащишь к нам на башню своих сородичей...

– Ну да, а вы с этого как будто ничего не имеете, – презрительно хмыкнул Лаки. – Тебя сцапали за торговлю «мором», а не за хранение, не надо ля-ля!

Порнозвезда перегнулась через свой стол и без лишних слов брызнула Лаки в лицо из защитного баллончика. Тот с руганью повалился на пол, отчаянно вытирая глаза.

– Поучи меня, придурок. А ты кто вообще? Военный? – переключилась Барби на Миккеля.

– Бывший.

– Военные не бывают бывшими, – заявил Лаки, все еще валяясь в проходе и не в силах разлепить слезящиеся глаза. – Солдат – это неизлечимая болезнь.

Миккель ничего не ответил, но все поняли, что его по-своему задела эти слова. Верука испуганно смотрела на них троих, хлопая огромными ресницами. Переругаться со всеми оказалось легче, чем подружиться. Не мешкая она собрала вещи и быстро исчезла за дверью. Затем ушла и Барби, которой явно наскучил этот детский сад. Карим и Пакито устали на Лаки, признав в нем своего, хотя тот, похоже, по жизни валял дурака.

– Тебе помочь? – спросил Миккель, с промедлением протягивая руку Лаки.

– О, брось! – Тот сам поднялся и сделал очередное громогласное заявление: – Мне одному кажется, что на бывших заключенных и безработных можно бесплатно поездить и сделать очередное пафосное заявление, что наши программы занятости работают на ура?

Он направился к двери, так и не разлепив до конца глаза и ударяясь обо все подряд. Пакито с Каримом запоздало ринулись следом. Вот и первая шайка с лидером сформировалась. В комнате остались трое. Миккель, Ши-Вэй, словно слившийся со стеной, и Рика.

Слова Лаки имели неприятное свойство оседать в ушах.

– Как вы думаете, – ожил или осмелел Ши-Вэй, – есть ли

шансы после первого квартала получить оплачиваемую работу при Центре?

Миккель пожал плечами. Он сам ничего не знал. Впервые в жизни первоклассный боец чувствовал себя беспомощным младенцем. Сейчас хотелось только уйти прочь. Он скучал по миру вне Вавилона, пусть тот и напоминал обглоданный ржавый скелет. Но там были горизонт и небо.

– Если я все отработаю и докажу пригодность, может, они зачтут волонтерство как полноценный опыт работы? – продолжал Ши-Вэй.

Никто ему не ответил. Тогда он тоже тихо ушел. Миккелю показалось, что он остался один, поэтому слова за спиной прозвучали неожиданно:

– Что, хреново тебе без окон, солдат?

Он удивленно обернулся, а девушка в капюшоне послала ему кривоватую ухмылку, плохо вяжущуюся с невеселым, давящим взглядом:

– Ты часто по привычке смотришь на стену, а потом взгляд останавливается, как будто натывается на преграду. Так делает только человек, привыкший смотреть на горизонт.

Однако продолжать беседу Рика явно не намеревалась, тоже направившись к выходу.

– Тогда и ты искала окно, – негромко сказал он ей вслед. – Иначе бы не поняла, что я делаю.

– Пока, солдат.

Миккель озадаченно посмотрел на удаляющуюся фигуру в черном балахоне. Кем бы ни была эта бродяжка, чьего лица он толком не видел, но и она явно посматривала на мир снаружи. Только вот откуда? С внешней базы? Или с самого верха? До сорокового уровня на Вавилоне не было внешних окон.

Вавилон, уровень 35. Аркады

Верука возвращалась домой в слезах. Происходящее не могло быть правдой, разум отказывался это принимать. Первая студентка и лучшая во всем, домашняя девочка попала на исправительные работы, да еще и не по своей вине. Вытаскивая ее из «обезьянника» тридцатого уровня, куда сгребли всех нерадивых наркоманов (уже не важно, реальных или мнимых), отец чуть не плакал от расстройства. Она разбила сердце обоим родителям, но у отца вдобавок еще и пострадала репутация на работе.

Столько знакомых таращилось на нее в этом злосчастном клубе, когда ее выводил наркодозор! Но больше всего ее жгла обида на Ариса. Все в нем теперь казалось фальшивым. Он никогда не был ее другом, и они болтались рядом столько лет только потому, что общались их родители. «Он даже ни разу не справился обо мне!» А теперь Верука должна полгода пахать с этими преступниками. Жизнь казалась конченной. Мимо пролетали огни туннеля, связывающего различные отсеки их уровня. В ее глазах они превращались в размытые линии.

– Эй, Верука...

Она медленно обернулась и ощутила, как к вискам приливает кровь. Арис. Стоял в своей кожанке у ближайшего прохода и смотрел на нее заискивающим взором.

– Что, еще не всю наркоту мне засунул? – рявкнула она.

Тот быстро подошел ближе, поняв, что ее ор способен его скомпрометировать:

– Извини, дружок... Я не знаю, откуда это взялось. Правда. Но мне жаль. Мне твой отец звонил. Я сказал ему, что ты пропала тогда в клубе, а наркотики, скорее всего, та компания у бара подкинула!

Как же он врал... А главное, черта с два теперь это докажешь. Наконец она улучила момент, чтобы врезать ему по лицу. Это было равносильно тому, как если бы канарейка попыталась вмазать слону. Он стерпел, понимая, что заслужил, хотя так и непонятно было, чего он добивался своим появлением и тухлыми извинениями.

– Из-за тебя я должна торчать на соцработках вместе с кончеными отморозками. Ты украл у меня шесть месяцев жизни! Пошел вон, если не способен признать вину!

Он отступил в сторону с приклеенной ухмылкой.

– Я же сказал, мне жаль...

– Трус и наркоман! – крикнула она, даже не оборачиваясь.

– Да? Ну тогда тебе с нижними – самое место! Ты так хотела им помочь, вот и вкалывай с ними на помойке! Авось переоценишь свои блаженные взгляды! Дура!

Это задело не на шутку, но общаться с ним больше не имело смысла. В одном он был прав: Верука, оказывается, понятия не имела, что происходит на Вавилоне ниже тридцатого уровня.

Вавилон, уровень 4. Квартал «Столбняк»

Лаки брел по туннелю уровня, на котором обитал, когда не мотал очередной срок. Ржавый свет ламп тускло мигал, периодически пропадая полностью. В короткие секунды затмения казалось, что звуки становятся отчетливее, чем прежде. Потоки воды по ветвистым трубам за металлической обшивкой стен. Искрящиеся над головой провода. Собственные шаги, оставляющие продолжительное эхо. Это был его мир. Лаки любил темноту, потому что в ней можно было скрыться, а любой картинке предпочитал звук. Он видел окружающий мир ушами, как бы абсурдно это ни звучало. Отголоски всего вокруг несли информацию, нашептывая, что происходит не только перед ним, но и там, куда глазами не проникнешь. В общем, прозвище Крыса Лаки полностью оправдывал, обладая плохим зрением, острым слухом и хорошими инстинктами.

И звуки вокруг сейчас говорили, что потолок прогнил. Тяжелое поскрипывание обшивки над головой обещало, что однажды этот туннель рухнет, и, скорее всего, кому-то на голову. Похоже, стоит сменить маршрут. Он легко перебирал ногами по замусоренному полу. Лампы выхватывали какие-то отсоединенные телесные протезы, рваные матрасы и ржавую стружку, наплаивающуюся годами.

Это было похоже на дом, из которого он сбежал. То был очень плохой дом. Может, и не дом вовсе.

Челюсти равнодушно мололи жвачку, уже давно потерявшую свой вкус. Мысли хаотично крутились вокруг дурацких исправительных работ, в которые он загремел по дурацкости людей Пьеро. Он до сих пор жалел, что дал им выбор ползти под шаттлами. Кто же знал, что они двигаются чуть быстрее камней. Это последний раз, когда его пронесло. Если после этих работ сгребут, то уже насовсем.

В изолятор не хотелось. Лаки знал, что там происходит. Мозги промывают как из шланга. Беспорядочно врезались в память и обрывки дня в Центре благ. Нужно было как можно скорее понять, кто есть кто. Бритая наголо Майке выглядела так, будто ее от них вот-вот вырвет. К ней нужно было найти подход в первую очередь. А Карим, Мерт и Пакито уже его. Дебилы, но управляемые, а большего от них и не требуется. Барби с Проповедником – просто обсосы, но и с ними он договорится, если что-то предложит.

Или Верука. Господи, какая наивная прелесть! Искренне пытается убедить себя, что соцработы ей на пользу, хотя у самой глаза на мокром месте из-за того, что проштрафилась. Как она там сказала? «Социальное рас-сло-е-ни-е». Офигеть! Такие хорошие девочки просто созданы для того, чтобы их портить. Во всех смыслах. Лаки хмыкнул себе под нос. А солдатище? Как он вообще к ним угодил? Остальные были какие-то мутные и незапоминающиеся. Но, похо-

же, в любом случае будет весело. Так, проведя сортировку новых знакомых, Лаки благополучно выкинул их из головы. Он как раз приближался к жилым блокам. Иллюминаторы капсул горели огнями. Кто-то горланил песни, кто-то ругался. Ухали биты какой-то отстойной вечеринки.

Не успел он дойти до своей капсулы, как чья-то татуированная рука проворно втащила его в узкий перешеек меж жилыми блоками. В наколотых на пальцах перстнях почудилось что-то знакомое. В подобных ситуациях тело мгновенно расслаблялось и становилось словно тряпичным. Он максимально снижал сопротивление, пытаясь принять форму той силы, что пыталась его смять. В полумраке включилось ночное видение искусственного глаза, и Лаки уставился на чей-то лысый череп. По щеке человека сползала черная слеза. Пьеро?

– Братиш, ты ли это? – с нотками радости воскликнул Лаки.

Пальцы вокруг его горла стиснулись так, что следующее приветствие потонуло в хрипе. Кажется, его были не рады видеть.

– Мутанты – твои братки, – злобно прошипел голос. – Как же ты, сука, нас всех подставил!

Лаки попытался смахнуть с себя Пьеро, но тот держал его мертвецкой хваткой.

– Из-за тебя моих ребят просто усыпили. Какие вы гуманные на верхних уровнях: насилия нет, есть эвтаназия.

– М-х-м-м!!! – что-то промычал Лаки.

– Я не слышу!

– Отп-х-х-м-м!!!

– Не слышу!

Лаки просто закатил глаза и не издал больше ни звука. Пьеро потрянул его еще разок для порядка и ослабил хватку. Послышалось судорожное втягивание воздуха.

– Рад, что ты жив, – наконец-то выдал Лаки. – Как вы-
брался?

– Не твое собачье дело. Я к тебе за должком.

Над головой зажглась пара иллюминаторов, и инфракрасное зрение отключилось. Уровень освещенности позволял разглядеть Пьеро в тусклых цветах. Он казался прежним, только что-то во взгляде выдавало нешуточную злость и болезненное отчаяние. Лаки заметил эти зачатки еще в самом начале их встречи, но тогда списал на нервозность. А теперь со стопроцентной уверенностью мог сказать, что у Пьеро зуб на них всех. Слишком много фанатичной ненависти от него шло. Это больше чем личные разборки.

– Я свою часть выполнил, – наконец заявил Лаки севшим голосом. – Дал вам выбор между быстрым, рискованным путем и долгим, но надежным. Вы принимали каждое решение. С фига ли спихивать теперь ответственность на меня? И я с вашей горе-сделки ничего не поимел, а, наоборот, загремел на общественные работы. Кто тут кого подставил...

– Заткнул пасть, – оборвал Пьеро, вперившись жгущими

глазами в его лицо. — Я ухожу вниз сегодня. Хватит с меня вашего вавилонского дерьма. Но для тебя кое-что есть.

С этими словами он взял его ладонь и что-то с силой втиснул. Кожа загорелась от боли. Лаки поморщился и перевел взгляд вниз: фосфорически мигала переводная татуировка — голова питбуля с акульими зубами. Спину мгновенно прошиб липкий пот. Пьеро заметил этот страх в лице Лаки и даже как-то деликатно усмехнулся.

— Тебе привет от сам знаешь кого. Скоро грядут большие перемены, недолго Вавилону жировать осталось. Ты будешь нашей сучкой и сделаешь все, что велят. Понял? А не сделаешь, он сам за тобой придет.

Лаки молчал, остановившимся взглядом буравя татуировку на руке. Пьеро похлопал его по помятой щеке и бросил:

— Помни, где твои корни. Их не отпилишь, пока жив.

С этими словами он накинул на голову капюшон и исчез. Лаки так и остался торчать в закутке, глядя на изображение питбуля с языком наперевес. В его голове звучал лай собак. Он слышал его в кошмарах каждую ночь с тех пор, как сбежал из-под земли. Только недавно, казалось, собаки смолкли, а теперь снова. Гав-гав.

Фрагмент последнего интервью с Руфусом Гором

МЫ И ОНИ

Под этим грифом уже почти столетие идут дискуссии

о разделении обитателей Вавилона и жителей подземных уровней. Мы – те, кто сохранил жизнь и победил козни природы и техногенных катастроф, и они – прокаженные, вынужденные существовать под землей и страдать от последствий общечеловеческой беды. Люди из Секторов Ада.

Мы не любим их. Они заразны и переносят к нам болезни, которые мы не всегда можем предотвратить. Мы говорим, что они враги, потому что хотят отобрать у нас наши блага и комфорт. Мы говорим, что они воры, потому что похитили некоторые наши технологии по созданию искусственных органов и начали производство дешевых и опасных для здоровья подделок. Мы называем их маргиналами, преступниками, дилерами. Они приносят на наши уровни смуту, болезни и «мор» – самый разрушительный для синтетических органов наркотик, выращиваемый на нижних уровнях. Но судят всегда по различиям. «Что же у нас общего?» – спросите вы меня.

Меня не раз критиковали за мою позицию, но мы все еще люди. Мы выжившие. Тем, кто пережил неоядерную катастрофу на космической станции, просто повезло больше, чем тем, кто остался под землей. Мы победили последствия наукой, они – приспособляемостью. Поэтому, нравятся вам или нет, мы все еще и жертвы. И важно, что наши уровни с каждым годом становятся все более и более связанными.

После трагичного Первого Контакта в 2215 году мы объ-

явили политику закрытых дверей. Последний поток, чудом нашедший путь на башню через шахты, был принят в семидесятых годах. Они прошли процедуру санации и были допущены на Вавилон. Многие из вас оказались недовольны этим решением. Вы жаловались, что увеличилась преступность. Что бывшие прокаженные открыли пути для других подземных людей, куда более опасных. За санацию нам отплатили черной монетой.

До сих пор мы решали не проблему, а ее симптомы. Сажали контрабандистов, усыпляли опасно зараженных, замуровывали все лазы под башней и выставляли ряды солдат на защиту границ Вавилона. Сама проблема лежит глубже. Она в нищете, голоде и скверном уровне жизни подземных уровней. Решив ее, мы решим проблему преступности эффективнее, чем отстрел незваных гостей. Мой политический оппонент Карл Каннингем всегда утверждал, что проще уничтожить источник бед силой, чем пытаться решить дело мирным способом. Я считаю, это форма варварства. Возненавидеть всегда проще, чем понять. Враг внешний не страшнее того зла, что сидит внутри нас самих...

Вавилон, уровень 1. Большая свалка

Десять неудачников трудились в своем секторе, вяло собирая хлам, копившийся тут годами. Работа была несложной, но очень грязной. Казалось, что первая задача такого труда – уничтожить и без того микроскопическое достоинство горе-уборщиков. Майке наблюдала за ними сквозь вездесущие камеры и периодически подгоняла с помощью аудиосвязи, чтобы они не расслаблялись.

– Йоу, Барби. А грудь у тебя своя? – заинтересованно спросил Карим.

Порнозвезда стояла в желтом комбинезоне уборщиков, спустив молнию до уровня декольте. Криво покрашенные малиновые губы сжимали бычок вонючей сигаретки.

– Не твое дело, – процедила она, пытаясь увязать очередной мешок с органическим мусором.

– Не, ты глянь, дойки что надо, – цыкнул Пакито.

– Зато на рожу – мочалка, – покачал головой Карим. – Все бабы паршиво стареют.

– Я тебе причиндалы откушу за хамство, – бросила Барби через плечо.

– Это каннибализм, – зевнул Карим.

– Вы будете работать или нет?! – На них сердито уставилась Верука, которая уже разгребла свой кусок сектора и теперь пыталась помочь Ши-Вэю.

Все это время он отчаянно пылесосил металлическую стружку, но уборочная машина была на последнем издыхании. Она чихала, плевалась, и он, замучившись, начал сгребать все вручную.

– Кто это тут заговорил? – сощурил Пакито и без того глаза-щелки. – Может, свои банки засветишь?

Понеслись гнусные смешки, а Верука сцепила зубы и закинула порцию металлической стружки в мешок. Ее с самого начала не особо жаловали. Если для нее это просто неприятные шесть месяцев, а затем она вернется в сытый мирок верхних уровней, то для них уборка дерьма – образ жизни.

– Такому, как ты, сиськи покажут только за большие деньги, – чуть ли не с философским видом заявила Барби.

– Шлюхи вердикт.

– Да и ты наш постоянный клиент, – даже не обиделась она, волоча свой мешок к грузовому шаттлу.

– Ребята, мы смердим хуже общественных туалетов, – подала голос обычно молчаливая Наоко. Она подошла к ним, на ходу вытирая руки в ржавой жидкости о штанины комбинезона. – Это вообще смоемся потом?

Нормального ответа, конечно же, не последовало. Парни стали опять вымучивать какие-то слабые шутки, от которых сами же начинали угорать.

– С таким мусором нужно работать в респираторах, – вдруг раздался над головами Веруки и Ши-Вэя чей-то спокойный голос.

Они одновременно подняли глаза и увидели Миккеля, протягивающего им по шлему с фильтрами.

– Да мы уже почти все, – слабо улыбнулась Верука.

– Это неважно. Отравление тяжелыми отходами может произойти хоть сейчас. Здесь все пропитано токсинами.

Оба послушно натянули на лица шлемы. Наоко смерила Миккеля оценивающим взглядом и поинтересовалась:

– А тебе зачем шлем? Ты же, считай, уже робот.

Слухи о том, что Миккель почти полностью состоит из синтетики, разнеслись со скоростью света. Его тело выдало само себя. При сильных физических нагрузках места стыковки синтетики и органики покрывались серебристой паутиной. Увидев Миккеля в коконе света, все всё поняли без лишних слов.

– Почему на нижних такой завал? – поспешно сменила тему Верука, чтобы солдату не пришлось искать ответ на бестактный вопрос Наоко.

Из респираторов ее голос доносился с сюрреалистичным шелестом. Миккель вроде даже не обиделся и с усмешкой пояснил:

– Все уходит по сточным трубам вниз и откладывается тут. Идет прямое пересечение со всеми утилизационными стоками. Еще нижние уровни используются для ремонта крупного транспорта, так как только здесь есть место для демонтажа и хранения запчастей.

Вдобавок ко всему постоянно слышался лязг пристыко-

вывавшихся шаттлов. Их стоянка располагалась ниже, рядом с таможенными, где проверяли транспорт, выезжающий из кольцевых линий. Говорят, под дном башни имелось много лазеек, примыкающих прямо к туннелям. Некоторым везучим контрабандистам из подземных городов удавалось просочиться наверх, уцепившись за шаттл, поэтому таможенники высматривали их во все глаза. В частности, Лаки мог порассказать об этом историй, но его никто не спрашивал.

Ши-Вэй наконец-то собрал последнюю часть металлической стружки и теперь с легким удивлением смотрел на пол в заклепках. Почему-то ему казалось, что под мусором должна быть настоящая земля, о которой он грезил на плантациях своего уровня... Но и здесь выглядывала обшивка. Миккель уже давно закончил со своей частью сектора. Работа была легче прежней. Он впервые делал что-то, зная, что никто не набросится на него сзади, обливая заразной слюной. И не опасаясь, что это произойдет с его товарищами. Такого рода спокойствие беспокоило сильнее, чем настоящая тревога. Он чувствовал себя не на своем месте. И каждую секунду казалось, что он делает слишком мало. Меньше, чем... должен.

Закинуть мешок Барби в шаттл. Помочь Веруке и Ши-Вэю. Справиться о делах Лаки. Что еще сделать, чтобы заглушить ноющее в груди чувство собственной бесполезности? Взгляд остановился на Рике, загружающей мелкие запчасти старых шаттлов в специальный отсек мусоровоза. Она наконец стянула свой гопнический капюшон, под которым об-

наружилось бледное лицо в обрамлении короткого черного каре. Когда их взгляды пересеклись, Миккелю снова показалось, что его полоснули изнутри. *Инопланетянка какая-то.* «Я вижу, что тебя гложет, солдат. А еще вижу, что тебе тут не место», – говорил ее странный, расслаивающийся взор.

– Это же выгребная яма какая-то. Интересно, Секторы Ада такие же грязные? – вздохнула Верука.

На ее тридцать пятом уровне все переливалось чистотой и росли живые растения. С культурным шоком все еще не удавалось справиться.

Миккель мельком посмотрел на нее и снова слегка улыбнулся:

– Многое о детях из-под земли преувеличено. Да, уровень жизни у подземных в разы хуже. Но у них тоже есть инфраструктура, оставшаяся от бывших корпораций, и даже свое социальное расслоение. И теневой бизнес. Например, выведение «мора» или поддельных органов.

– Я все это слышала, – пожала плечами Верука. – Но никогда не понимала, почему после Синтетической революции мы по-прежнему изолированы от них. Может, тогда бы и преступности было меньше.

Для богачки с тридцать пятого уровня она думала о странных вещах.

– Строить стены проще, чем их разрушить, – пожал плечами Миккель.

– Но в «Фау» же могли бы помочь им с вакцинацией или

органами. У нас есть неиссякаемый космический луч и солнечная энергия.

– Ты слушаешь вообще Лаки? – воззрилась на нее Барби. – Дело не в нашей благотворительности. У людей из Секторов Ада закона нет. У нас его тоже не будет, если открыть шлюзы и впустить их снова.

– Да, вижу я, как все в восторге здесь от нашего закона, – едко отозвалась Верука.

Миккель еле заметно усмехнулся. Точнее не скажешь.

* * *

Лаки, разумеется, бездельничал. Это был стиль его жизни. Он поковырял завалы ржавых металлических пластов, извожукался до ушей и счел, что этого достаточно. Если человек выглядит грязным, можно подумать, что он и работал. Но чтобы не привлекать внимания всевидящей Майке, он двигался туда-сюда микроскопическими шагами и переставлял с места на места свой полупустой мешок. За утренние часы получилось дважды курнуть, один раз помочиться на мусоровоз и съесть какую-то склизкую булку из ланч-бокса.

Мысли на самом деле крутились вокруг неожиданной встречи. Пьеро, Пьеро. Трагик на пустой сцене. И как только вывернулся? Лаки не приходилось бывать в «промывочном» изоляторе, но умом он понимал, что однажды туда загремит, если останется в этом деле. По рассказам других, сбежать

оттуда почти невозможно. Заключенные, в общем-то, и не мыслят об этом. Их мозг подсоединен к белому экрану, и им вымывают абсолютно все, вплоть до личности. Изолятор выпускал примерные овощи, которые около года восстанавливают себя, вспоминая привычки, симпатии и антипатии. Учатся заново быть кем-то. Кто-то очухивался быстро и даже возвращался на старую дорожку. Если ловили во второй раз, то промывали на всю жизнь. После пристраивали на какие-нибудь конвейеры или черную работу. Бесславный конец.

Пьеро уже имел одну ходку в изолятор, но сохранил себя. Странно, что его не усыпили в прошлый раз. И как же он сбежал во второй? Кто-то добрый помог ему... По слухам, Собачники уже заползли под кожу Вавилона, но пока себя не выдают. Но сильнее всего беспокоила проклятая неоновая татуировка. Привет от ночных кошмаров. Питбуль все еще оставался на запястье, и Лаки просто перевязал это место черной банданой, чтобы не бросалось в глаза, пока не сойдет окончательно. Даже на верхних уровнях есть те, кому известно значение таких символов.

В груди росла тревога, и он не знал, что с ней делать. «Я буду их сучкой... Размечтались. Но что Пьеро имел в виду? Неужели к нам придут все кланы? И каким образом, ведь шлюзы на таможенных невозможно пробить?.. Многих они не проведут через туннельные лазы...» Было что-то, о чем он явно не знал, потому что, по слухам, Пьеро пустых обеща-

ний никогда не давал. Мысли мрачнели с каждой минутой. Он смачно сплюнул и тут наткнулся на девушку из команды. В первый момент Лаки даже не понял, кто это. Еще не приходилось видеть среди них кого-либо с короткими черными волосами и такой необычайно белой кожей. Правда, взгляд исподлобья был настолько мрачным, что от него все вокруг ржавело еще больше. «Рика», – с запозданием вспомнил он ту, что до этого ходила с натянутым до подбородка капюшонам.

– Спасибо, что не в меня, – процедила она, имея в виду его плевков.

– Извини, – даже галантно произнес он, с любопытством оглядывая ее с головы до ног. – Не обижайся, но тут и так жуткий срач.

– Уже по барабану, но ты сидишь на контейнерах для стекла.

Лаки вяло отклеил от них зад и переполз в сторону.

– Как ты сюда попала? – поинтересовался он, наблюдая за тем, как она загружает в них бутылки и лампочки.

– Безработная, – лаконично ответила она, не особо выражая желание поболтать за жизнь.

– М-м-м.

Тон Лаки тем не менее не выражал доверия.

– Ну, и как тебе тут, Рика? Что это за имя вообще такое? Кличка?

– А что Лаки – нормальное имя?

– У меня попугайчик был. Я звал его Рика-Трика, – отстраненно протянул он, наблюдая, как неподалеку Пакито и Карим донимают Барби.

– Такое ощущение, что твой попугайчик плохо кончил.

– Как и большинство животных на нижних, – пожал плечами Лаки. – Помер от токсинов. У нас их же не прививают обычно.

– Грустная история, – донеслось отдаленно до него сквозь звон стекла. – Чувствуешь ли ты себя травмированным?

– Едва ли. Но вывод я сделал. – Лаки подошел к ней ближе, неожиданно для себя решив помочь ей с тяжелой стеклянной канистрой. – Все мы сдохнем рано или поздно. Но мне все же надо продержаться дольше, чем мой попугайчик.

Последнее он сообщил, внимательно вглядываясь в ее лицо. Рика бесстрастно взирала в ответ, похоже, считая его идиотом. Рука с канистрой, зависшая над контейнером, разжалась, и раздался глухой звон.

– У тебя искусственный глаз, – добавил он с прищуром. – Как и у меня.

– Отмер при рождении.

Она захлопнула контейнер и отряхнула руки. Лаки облокотился о его крышку и продолжил спрашивать:

– И с какого ты уровня?

– С девятнадцатого.

– Кем работала?

– Сборщиком на фабрике.

– Врешь ты все, Рика, – отстраненно сообщил Лаки.

Его наградили очередным неоднозначным взглядом, но доказывать, судя по всему, ничего не собирались. Она продолжала загружать оставшиеся канистры, реплика Лаки словно прошла мимо.

– Если ты с девятнадцатого, то не была бы такой беленькой, как свежий снежок. Там все желтые из-за красителей с фабрик. И вообще дерьмовая у них жизнь, одни наркоманы.

– Ты, что ли, всех знаешь? – скосила она на него глаза.

– Да. И различаю контингент.

– И с какого я, по-твоему, уровня? – осведомилась Рика, наконец-то поворачиваясь к нему и глядя в упор.

Лаки этот взгляд понравился. В нем была уверенность и что-то от него самого. Точно человек видел больше, чем говорил вслух. Он почти прижался губами к ее уху и сообщил шепотом:

– Моя крысиная чуйка поселила бы тебя минимум на тридцать пятом.

Рика ничего не ответила. Она вообще предпочитала молчать, как успел заметить Лаки. Ему нравилось кружить вокруг, пытаясь вскрыть печать ее загадочности. У каждого в этой башне на лице написано, откуда он. Слишком отчетлив колорит каждого уровня. Но чем меньше опознавательных знаков, тем выше культура. И эта надменность, свойственная тем, кто привык смотреть на мир *свысока*.

– Держу пари, – продолжил Лаки все так же еле слышно, –

что и зовут тебя вовсе не Рика. Кто же ты?

Она вдруг склонилась к нему, переняв его фамильярную манеру общения, и прошептала, не отводя непроницаемых глаз:

– Твой мертвый попугайчик.

Вавилон, уровень 5.

Центр всеобщих благ

Обеденный перерыв проходил в столовой Центра благ, и там же мельком удавалось увидеть, как работают их кураторы, наблюдавшие через мониторы за своими секторами. Они сидели в прозрачных кабинетах, окруженные многочисленными экранами, а вокруг крутились пестрые голографические диаграммы. Наверное, это было что-то очень важное, графики ведь просто так не строят.

Ши-Вэй наблюдал за ними с легким почтением, раздумывая о том, что как раз такая работа ему подошла бы. Чем меньше физической нагрузки, тем легче руке. Поэтому он без устали им улыбался и искренне надеялся, что из трехсот с лишним рабочих запомнят именно его. В конце концов, он не отбывает здесь наказание, а направлен из Центра занятости. Это делало его в собственных глазах чуть лучше и ценнее прочих.

Миккель видел его тайные надежды, но не знал, стоит ли заговаривать на эту тему. Не хотелось разочаровывать. Похоже, Ши-Вэй не очень разбирался в том, как работают все социальные программы «Фау». «Мы – утиль. Нас некуда девать, нас нужно кормить, нам дают псевдоработу. Когда мы ломаемся, нас никто не чинит. Нас усыпляют. И так будет со всеми. В этом смысл винтиков и шурупов. Не мы стро-

или этот механизм. Не нам пожинать его пользу». Порой он радовался, что эти мысли не срываются с губ с пророческим апломбом. Это просто размышления. Кружение смыслов внутри каждого человека.

Миккель много понимал, но пока еще никогда не возражал. Покуда он служил чему-то.

– Эй, солдат, что нос повесил? – раздался рядом хриловатый голос.

Рика. Он и не заметил, как она подсела.

– Пытаюсь понять, из чего делали это пюре.

– Сбыт блевотины, – вклинился с глубокомысленным выводом Пакито.

– Блевотина – это ресурс, – кивнул с ухмылкой Карим.

– Все ресурс. И сопли в носу.

– Почему вы такие мерзкие? – скривилась Верука. – Мы же едим.

У нее в отличие от всех был домашний ланч-бокс, где дымилось что-то пряное в пучках свежей зелени.

Миккель в очередной раз поймал себя на мысли, что стоило одному из их горе-группы заговорить, как тут же подхватывали и другие. Но если они замолкали, то все вместе. Неплохой признак слаженной команды, несмотря на то что они друг друга едва переваривают.

– Дай попробовать из твоей тарелки, девочка, – начал Пакито докапываться до Веруки, и они затеяли очередную перепалку.

– Как тебе работается? – поинтересовался Миккель у Рики.

– Как и должно. Если не страдаешь, это не считается.

– Отличное мерило собственной пользы.

– Скорее пользы такого труда.

Она отставила свой термос и рассеянно обвела глазами публику вокруг. Миккель не намеревался ввязываться в беседу, но Рики хотелось спросить о большем. Странное влечение на стыке незадаанных вопросов.

– Собираешься оставаться при Центре, пока не предложат работу? Или попытаешься получить трудовую визу на верхние уровни?

– Да мне и внизу хорошо, – отстраненно пробормотала она.

– В своем ли ты уме? – шутливо спросил он.

– О да, – с необычной серьезностью отреагировала Рика.

– Что за неприязнь к верхним? – заметил Миккель.

Ее взгляд на секунду загорелся, точно кто-то поднес спичку к ее тайне.

– Кто их здесь любит?

Вопрос был в точку. Не только их группа. Миккель смотрел на другие команды и понимал, что это за контингент. Бездомные, должники, сироты на государственном попечении, инвалиды. Они тот же мусор, только их нельзя просто так утилизировать, как большую свалку. Невольно он покосился на Веруку – единственную, кто был с верхних среди всех

работников. Она что-то с жаром объясняла Ши-Вэю, но за день ее взор подернулся скулящим отчаянием, словно не это она ожидала увидеть.

– Нравится изучать людей? – вкрадчиво спросила Рика, подмечая все его взгляды.

– Хобби у меня такое. Изучать что бы то ни было, – ровно ответил он.

– Держу пари, Верука отработает свое наказание и больше носа ниже дома не сунет, – откровенно заявила странно-ватая собеседница. – Ее сломает чужое несчастье, которого вокруг слишком много. На горе смотреть невозможно. Если пытаться сопереживать всему, лопнет сердце. Если игнорировать – перестаешь чувствовать все остальное тоже.

– Хороший вывод.

Миккель по привычке вглядывался и в ее лицо. Черты постоянно менялись и ускользали. Можно ли назвать Рiku приятной? И да, и нет. В какой-то момент ее облик вдруг неуловимо перетекал во что-то другое. Только взгляд оставался по-прежнему настороженным, и в его глубине горело темное пламя. Оно жалило.

– Что ты там видел за пределами башни, а, солдат? – спросила Рика.

С отзвуком ее слов вспомнился расходящийся над головой небосклон. Одна половина – лиловая, другая – золотая. За дымкой облаков полыхает солнце. Вокруг пустыня с почти стершимися остатками зданий.

– Там ничего нет, – честно ответил он, слегка склоняясь к ней, чтобы его было лучше слышно в нарастающем гомоне. – Но есть ощущение... – Миккель замялся, не зная, как сформулировать. – Чувство... пространства. Ты понимаешь, что мир уходит не вглубь, а вширь.

– Видел ли ты других людей? – почти невесомо коснулся его уха следующий вопрос. – Другие башни, быть может?

– Нет, – отрывисто качнул он головой. – Земля пуста. Это данные со спутника. Люди есть только под землей и на Вавилоне. Тех, что внизу, я видел. Они бродят в туннелях под нами, вечно роют что-то... Ищут вход на Вавилон. Как правило... одиночки, сбежавшие от своих кланов, выживающие благодаря удаче.

В лице Рики появилась странная мечтательность. Миккель точно сказку ей рассказал, хоть выходила та хуже некуда. Но показалось, что сейчас они больше не со всеми, а застыли на стыке миров, говоря о чем-то, что знакомо и понятно только им.

– А нелюдей ты видел?

Это прозвучало шепотом. Миккель едва заметно опустил подбородок:

– Их не так много в моем секторе. И это... люди, – с промедлением ответил он. – Они ими были. И думают они как люди. Просто потеряли свое лицо. Некоторые нападают, потому что привыкли так выживать. Некоторые никуда не бегут и взглядом просят, чтобы мы закончили их мучения.

На них словно надвинулась невидимая тень. Галдящие Пакито с Каримом пропали. Лампы над головой стали тусклее. Взгляд Рики не выражал сострадания, но в нем застыла необъяснимая парализованность.

— Да, солдат. Много ты повидал, — кратко пробормотала она, уставившись куда-то в сторону.

— У меня есть имя.

— Миккель, знаю. — Рика поднялась и бросила со смешком, глядя на него свысока: — Я буду звать тебя солдатом. Ты словно собой становишься, когда тебя имени лишают. — С этими словами она перешагнула через скамью и пошла куда-то в сторону умывальников.

Миккель растерянно смотрел на ее удаляющуюся спину. Этот разговор проходил в двух измерениях: на железных сиденьях Центра благ и параллельно на изломе реальности, где среди скелетов зданий стояли двое, привыкшие видеть небо.

* * *

Все это время Ши-Вэй пытался сделать только одно — влиться. В работу, странноватый, полукриминальный коллектив и Центр благ. Он всегда думал о себе как о части целого. Человек-винтик, прилаженный на своем месте. Пусть эта деятельность не приносит ни гроша, но лучше здесь при деле, чем пассивное ожидание подачек от Центра занятости. Мир за пределами его поселения Куанг пока только пугал.

Ши-Вэй работал за троих и доделывал то, что забросили Па-кито и Карим. Ему помогали Верука и Барби. Верука оказалась совсем не высокомерной, а Барби в глубине души добродушной. Миккель тоже старался его поддерживать. Их общество внушало какую-то надежду.

Обеденный перерыв он провел слушая перепалку своих ребят и пожевывая непонятный кокон, набитый плохо проваренным рисом. На зубах скрипело, но он мужался. В какой-то момент Ши-Вэй задумался и не заметил, как остальные стали постепенно расходиться. Он торопливо оглянулся, не желая пропустить начало новой смены, но внезапно накатило. В глазах расплылись циановые круги. Правая кисть пропала, а место стыковки на локте стало нестерпимо давить на протез, наливаясь из-за заторможенной циркуляции крови. По запястью пробежали алые искры, которые ничего хорошего не сулили. От невыразимой боли Ши-Вэй закусил нижнюю губу, чтобы не завывать в голос. Отмирающая искусственная кисть заставляла вспомнить, что у него ее вообще нет. Он скорчился на сиденье, не видя людей вокруг. Они его тоже не видели. Все расходились. Столовая пустела. Прежде чем он потерял бы от боли сознание, его вдруг ухватила чья-то смуглая рука и резко усадила прямо. В рот залезли пальцы, проталкивая какой-то мелкий, скользкий предмет. Ши-Вэй не отдавал себе отчета в происходящем, но интуитивно проглотил. По спине похлопали. Губы коснулись края щербатой кружки. Ши-Вэй пил воду, чувствуя, что боль тупеет

и волны спазма сходят. Как будто змея, стиснувшая изгиб локтя, вдруг уползла, дав крови двигаться дальше. Правда, рука все равно едва ощущалась. Но как же стало легко все воспринимать... Мир вокруг подернулся мерцающими бликами, и кто-то потянул его за собой, держа за здоровую ладонь. Ши-Вэй шел на ватных ногах, а в груди что-то тонко запело. Внутри него кружилась золотая юла! Он был в сердце дивной мелодии, похожей на вьющуюся спираль. Ему никогда не было так хорошо...

Брызги воды в лицо. Темнота. Просветление, шириющееся кругами. Запах туалета. Кто-то сжимает его почти омертвевший протез и резко протыкает перепутье искусственных вен чем-то жалящим. Ши-Вэй подскакивает, но рука оживает, посылая импульсы в слегка омертвевшую шею.

– Молодчинка. Раз так скачешь, рано тебе еще помирать.

Перед ним возникло нахальное лицо в обрамлении тяжелых черных локонов. Два колечка в ухе словили свет ламп, и он стрельнул в глаз. Ши-Вэй жмурится. Рука двигается. Все у него в порядке. Только во рту пустыня... Уже придя в себя, он припал ртом к крану и хлебал воду так, будто помирал от жажды несколько дней. Позади раздавалось тонкое хихиканье.

– Это норма. После «белы» всегда так.

– После... чего? – не поверил своим ушам Ши-Вэй, оторвавшись от крана и уставившись на Лаки круглыми глазами.

– «Бела», – спокойно сказал он. – Только не говори, что не слышал.

– Ты мне наркотики дал? – пораженно спросил Ши-Вэй, чувствуя помесь гнева и страха.

Лаки вытаращился на него так, будто тот первый день жил.

– Нет, я тебе витаминку в рот положил, – огрызнулся он. – Иначе бы ты скопытился от болевого шока раньше медицинской помощи.

Жажда отступила сама, словно по мановению волшебной палочки. Ши-Вэй завернул кран и соскользнул на пол, придерживаясь дрожащими руками за склизкие края раковины. Лаки стоял у стены, сложив руки на груди, и взирал на него с легкой жалостью, не переставая при этом катать во рту жвачку.

Ши-Вэй начал понимать, что тот его спас. Но на свой лад.

– Какие последствия? – тихо спросил он.

– После одного раза никаких. Ну, может, просрешься пару раз... «Бела» пока самый безвредный наркотик. Чтоб ты знал, на ее основе ваши «Фау»-врачи делают обезболивающие. Только их колеса легальные, а наши нет. Но по сути одна и та же хрень. Конечно, если подсядешь, скопытишься от обезвоживания. Пилюльки не бывают без побочных эффектов. Первое правило фармацевта.

Сознание вернулось к Ши-Вэю окончательно.

– Спасибо, – почти беззвучно произнесли его губы.

– Спасибо в карман не положишь, – хмыкнул Лаки, полоснув его горящим взглядом.

От этой фразы Ши-Вэй побелел еще больше, а его спаситель начал ржать как болезный конь.

– Ой, ну все... Все. Не смотри так на меня. Я пошутил. Я бываю добрым. Ничего ты мне не должен. Что же мне, нужно было тебя помирать оставить?

Ши-Вэй выдохнул и выдавил подобие улыбки, но скорее чтобы самому поверить в то, что Лаки, как всегда, придуривался.

– А потом? Что ты сделал с рукой, что она ожила? – последовал новый недоверчивый вопрос.

Лаки вынул из кармана маленький ионовый шокер и провернул его вокруг указательного пальца, как пистолет в вестерне.

– Поджарил тебя. Синтетика любит, когда ее шибают таким зарядом. Пару раз тебя это спасет. Рекомендую купить свой собственный.

Шокер сделал последнюю «вертушку» и скрылся в недрах комбинезона. Лаки присел напротив несчастного Ши-Вэя на одно колено и уже не смеялся. Внимательно он всматривался в лицо коллеги, в чьих глазах все еще дрожала «бела», и наконец тихо сообщил:

– Слушай, солнышко, тебе лапу надо менять. Шокер поможет от силы еще раз. У тебя связки все – говно.

Молчание Ши-Вэя стало слишком всеобъемлющим. Он

знал об этом давным-давно. Воздух наполнился его затаенным страхом, который вдруг стал слишком очевидным. Лаки понял все без слов. Мгновение он раздумывал, затем сообщил:

– Я могу помочь, если хочешь. Тебе заменят руку на новую, прочную, и даже бесплатно. Просто перешьют и вставят.

– Как... как такое... – недоверчиво начал Ши-Вэй.

– Нужно знать верных людей, – качнул кудлатой головой Лаки. – Тут ходит много отбросов по станциям и даже зовут тебя из подворотни так тихо: «Пс-с-с-т», как извращения какие-нибудь. Они все якобы предлагают выгодную замену, суют свои визитки... Не слушай их, это кидалово. Настоящие дилеры никогда себя не рекламируют. Их находишь через таких, как я. Я тебя к мастерам отведу. Они тебе не только руку заменят. Что еще не свое?

– Колено правое... Но оно еще крепкое, ни разу не сбивалось.

Лаки только хмыкнул, харизматично двинув челюстью.

– Да та же лажа будет. Если хочешь, могу все организовать.

Ши-Вэй сглотнул. Он знал понаслышке, что под землей существует ветвистая траншея лабораторий и фабрик. Там клепали поддельные органы, выводили наркоту вроде «белы» и «мора»... И еще черт знает что. Лаки понимающе улыбнулся и подмигнул искусственным глазом, который на

короткое мгновение отлил инфракрасным.

– А чем платить?

– И это первый разумный вопрос из твоих уст, – удовлетворенно хмыкнул этот хлыщ. – Как я сказал, ты платишь ноль. Но ты и есть плата.

– То есть? – тут же засомневался Ши-Вэй.

– Ты будешь работать на тех, кто тебя пропагает, – сообщил Лаки, обдав его приторным клубничным дыханием.

Он поднялся с колен и помог встать ему. Выплюнул свою ядовито-розовую жвачку куда-то мимо урны и напоследок сказал:

– Подумай. Если что, спроси Лаки как.

Через плечо мелькнула косая ухмылка, и он умчался из туалета с будничным видом. А Ши-Вэй еще пару минут приходил в себя. Требовалось время, чтобы осознать снова, что ему спасли жизнь каким-то виртуозным противозаконным методом. И работу предложили заодно. Причем явно сомнительную.

Выдержки из бесед с куратором

Миккель Скорпен

«...Наш отряд был расформирован, и меня определили сюда через Центр занятости. Что я хотел бы делать? Свою работу. Нет. Я не считаю нашу деятельность работой. Я надеюсь, впоследствии мне подберут что-то близкое к тому... чем я занимался. Да, я рассматриваю свое нынешнее поло-

жение как временное. Команда? Ну, это сложно назвать командой. Но мы по-своему стараемся. Нет, я не замечал ничего странного. Все работают. Кто-то хуже, кто-то лучше. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы».

Степан Проповедник

«Да, я выпаивал запчасти из шаттлов. Нет, не сожалею. Потому что мне нужны были деньги. Если я скажу, что после исправительных работ буду заниматься тем же, вы мне еще впаяете парочку месяцев. Насчет команды не в курсе. Хотя Барби вдул бы, буфера что надо».

Леа Барби Андрош

«Дилерство – не мое. Слишком опасно. Я больше в это дерьмо не полезу. Отработаю эти часы, назначенные судом, и вернусь в индустрию. Возраст, конечно, не тот. Получаешь меньше, да и роли так себе... Наша команда – полный отстой. Ну посмотри на них... Их же всех пожалеть хочется!»

Верука Моргенштерн

«Я не считаю себя виноватой и устала повторять, что мне подбросили наркотики. Да, мой социальный статус отличается. Мне завидуют и вообще не любят в группе, если начистоту. Но исправительные работы показали мне правду о нашей башне. Если честно, шокирована уровнем жизни и не понимаю, почему нельзя сделать его лучше. Я учусь на ме-

неджера. Думаю, что после окончания учебы пойду в главный офис "Фау", может, сделаю жизнь лучше, ха-ха. Наша команда? Ну... смотря кто. Миккель и Ши-Вэй – хорошие ребята. Пакито очень назойлив. И я побаиваюсь Степана, он так смотрит, будто череп всем проломить хочет. И я не доверяю Лаки, Барби и этой... с челкой. Рике, точно. Я их просто не знаю...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.